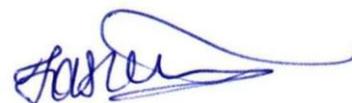

На правах рукописи

Кобенко Юрий Викторович

ЭКЗОГЛОССНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ФРГ

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Самара 2013

Работа выполнена на кафедре немецкого языка ФГБОУ ВПО
«Поволжская государственная социально-гуманитарная академия»

- Научный консультант *Кострова Ольга Андреевна*,
доктор филологических наук, профессор
- Официальные оппоненты: *Иванов Андрей Владимирович*,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и практики
английского языка и перевода
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный
лингвистический университет»
- Кашкин Вячеслав Борисович*,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории перевода
и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ФПО «Воронежский государственный
университет»
- Шехтман Николай Абрамович*,
доктор филологических наук, профессор
кафедры теории и практики перевода
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный
педагогический университет»
- Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Защита диссертации состоится 31 октября 2013 г. в 11 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.216.03 во ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия» по адресу: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67, корп.1, зал заседаний ПГСГА, ауд. 106.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки РФ www.vak2.ed.gov.ru и на официальном сайте ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия» www.pgsga.ru.

Автореферат разослан «25» сентября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Е.Б.Борисова

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена комплексному описанию языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., главной особенностью которой выступает усиленное заимствование англо-американской лексики в состав немецкого литературного языка. Данный процесс обозначается термином «американизация» и вызывает значительный резонанс не только в рядах германистов, но также в широких общественных кругах в ФРГ и за рубежом. Так, Й.А. Бер пишет в контексте произошедших изменений в системе немецкого литературного языка о начале нового периода его истории с 1950 г.: «поздненововерхненемецкого» [Bär, 2000, с. 30]. Р. Мюллер вообще ставит под сомнение правомерность употребления атрибута «немецкий» и говорит о развитии некоего литературного языка на территории ФРГ, обладающего высокой степенью метаморфичности [Müller, 2002, с. 429]. Приведенные крайние точки зрения немецких лингвистов свидетельствуют, с одной стороны, об открытости проблемы, а с другой стороны, о неправомерности её ограничения отдельными аспектами, даже такими важными, как англо-американские заимствования. Речь идёт о характере развития немецкого языка и научном объяснении сложившейся языковой ситуации в ФРГ в целом. Проведённое нами в этом русле исследование продолжает традицию комплексного описания языковых ситуаций в национальных государствах, заложенную на материале немецкого языка А.И. Домашневым (1983). Вместе с тем, мы делаем акцент не на диалектно-территориальном варьировании, которое достаточно полно изучено (ср.: В.М. Жирмунский, 1956, 1968, 1976; А.И. Домашнев, 1967–2001; Н.И. Филичева, 1983; Л.Б.Копчук, 1997, 2001, 2005; О. Reichmann, 1964–2010; U. Ammon, 1972–2004), а на развитии немецкого литературного языка в ФРГ, выступающего, по свидетельству А.И. Домашнева, в качестве нормы для всех стран его распространения [Домашнев, 1983, с. 8]. При этом во главу угла поставлена проблема англоязычного влияния на всю систему немецкого литературного языка.

Степень разработанности темы исследования. Отдельные аспекты этой проблемы нашли своё отражение в трудах таких отечественных германистов, как В.М. Жирмунский (1948), О.И. Москальская (1959), Я.Я. Нейдорф (1966), А.П. Майоров (1967), А.Л. Воронова (1973), М.М. Гухман (1977), Ю.Г. Коротких (1977, 1980), А.И. Домашнев (1983, 1989), Е.В. Розен (1991, 2006), Н.И. Филичева (1992), О.В. Карнаухов (1998, 1999), Г.Н. Россихина (2001), М.Д. Степанова, И.И. Чернышёва (2003), Л.А. Нефёдова (2003), Н.М. Наер (2006), А.А. Романов, О.Н. Морозова, С.Э. Носкова (2007) и др. В рамках диссертационных исследований заимствование лексики англоязычного происхождения в немецком литературном языке многократно изучалось отечественными учёными. В поле зрения исследователей попадали такие аспекты, как *ассимиляция и интернационализация англоамериканизмов* (Л.В. Слепухина, 1976; В.И. Трошкина, 1987; В.Н. Федорцова, 1994; С.В. Мангушев, 2002; Н.Л. Константинова, 2003; М.А. Кузина, 2006; Г.И. Каданцева, 2007; Н.А. Кулешов, 2009); *англоамериканизмы в свете неологической теории* (Л.В. Васильева, 2004; Е.И. Михеева, 2005; О.В. Олейник, 2006; Д.Д. Билибин, 2009; Л.В. Новикова, 2010); *функционирование англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка на различных этапах*

американизации (Н.Д. Никифоров, 1987; А.В. Щербакова, 2001; Е.В. Жабина, 2001; М.И. Дойникова, 2008; М.С. Омельченко, 2010); *предпосылки заимствования англоамериканизмов в немецкий литературный язык* (Ю.М. Калашникова, 2005; Е.В. Гордишевская, 2005); *явление гибридизации заимствованных и немецких лексических единиц* (Н.Ю. Суворкина, 2004; М.Н. Озолина, 2008); *заимствование англоязычной лексики в различных лексико-семантических группах системы немецкого литературного языка* (Т.Г. Гавриленко, 1990; Е.В. Червова, 1993; О.В. Карнаухов, 2000; М.С. Романова, 2001; М.С. Шумайлова, 2005; А.А. Патрикеева, 2009; М.А. Банщикова, 2011; Е.В. Кербер, 2011); *проблемы кодификации англоамериканских заимствований в немецком литературном языке* (Е.Л. Аруева, 1983; Н.В. Калинина, 1984; И.В. Лобанова, 2007) и др.

В зарубежном языкознании отдельные аспекты данной темы получили освещение в работах следующих германистов: англоязычные влияния в истории немецкого языка (Э. Юнгер, 1949; О. Бехагель, 1954; Ф.К. Вайскопф, 1955; Т. Фрингс, 1957; А. Бах, 1961; Ф. Чирх, 1965; А.У. Стенфорт, 1968; П. ф. Поленц, 1972, 1994, 2009; Й. Шильдт, 1984; В. Фирек, 1988; В. Беш, 1989; Д.Е. Циммер, 1996, 1998, 2007; В. Шмидт, 2006); ортологический статус и проблемы кодификации англоязычной лексики в немецком языке (Д. Нериус, 1973; Ю. Фицнер, 1978; Х.-Р. Штайнбах, 1984; Ю. Дреус, 1999; Д. Фридрихс, 1999; Д. Штеффенс, 2002; Х.Ф. Майер, 2007; Е. Телленбах, 2002); типология и лексикографическая интерпретация заимствованных англоамериканизмов в немецком литературном языке (Б. Карстензен, 1965, 1986; Х.Х. Мунске, 1983, 2000, 2005; Т. Шиппан, 1992; П. Браун, 1993, 1998; Р.В. Эйхер, 1994; Н. Лангер, 1996; Х. Ленерт, 1998; Ю. Шиве, 1998; Г. Вольф, 1999; М.Л. Курцио, 1999; Ч. Фёльдес, 1999, 2011; Х. Глюк, 2000; Д. Герберг, 2002; Д. Ньюблинг, 2010); языковая критика и проблемы интерференции англоамериканизмов в немецкой литературной речи (Х. Финк, 1996, 1997; В. Фойгт, 1997, 1999; Л. Гётце, 1998, 1999, 2000, 2003; У. Аммон, 1999, 2000; Ф. Дебус, 2001; В. Незер, 2002; В. Шефер, 2002; У. Линке, 2002; Х.-Г. Шмитц, 2002, 2009; О. Бак, 2003; С. Цабель, 2009; и др.).

Обилие работ в данной области исследования не снимает проблему комплексного научного осмысления сложившейся языковой ситуации в ФРГ. Кроме того, некоторые аспекты исследуемой проблематики ещё не получили исчерпывающего толкования, к примеру: феномен манипуляции носителями немецкого языка заимствованным материалом англо-американского происхождения; явление гетеролингвальной синонимии образца «англоамериканский vs. немецкий» в немецком литературном языке и его лексикографическая интерпретация; феномен переозвучивания ранее заимствованных единиц в соответствии с фонетическими нормами (американского варианта) английского языка и сопутствующие этому ресемантизация и реэтимологизация. Спорадично исследована и проблема ресурсной неоднородности (полигlossии) лексического состава немецкого литературного языка в диахроническом аспекте в связке с её синхронической экспликацией – диглоссией, характеризующей многоуровневую вариативность заимствованной и собственной лексики. Нет единства в выделении периодов американизации немецкого литературного языка в исследуемом участке диахронии, что зримо усложняет объективацию временных рамок языковой ситуации.

Следует особо подчеркнуть, что целостная характеристика языковой ситуации в ФРГ исследуемого периода возможна только с выходом за рамки сугубо интралингвистического подхода, характеризующего работы структурной и исторической лингвистики (В.М. Жирмунский, 1948; О.И. Москальская, 1959; М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, 1983; А.И. Домашнев, 1983, 1989; Н.И. Филичева, 1992; В. Carstensen, 1986; P. v. Polenz, 2009; и др.): необходима перспектива рассмотрения данной языковой ситуации «извне», т.е. экстралингвистический подход, представленный в исследованиях в области социолингвистики (А.Д. Швейцер, 1976; Л.Б. Никольский, 1976; В.Я. Порхоновский, 1981; В.А. Виноградов, 1990, 2008; W. Viereck, 1984; I. Skattum, 1997, 2008; и др.).

Актуальность работы. Утверждение английского языка на роль языка-макропосредника в отдельных языковых ситуациях в странах Европы, и прежде всего в ФРГ требует осмысления причин этого явления и его последствий, касающихся развития языков в современном мире. В этой связи особую значимость приобретает проблема взаимодействия родственных языков на разных этапах их развития, поскольку немецкий язык является генетическим прародителем английского. Причины и следствия глобализации представлены в работе на материале изучения англо-американских влияний на развитие языковой ситуации в ФРГ.

Особую актуальность тема приобретает в контексте падения статуса немецкого языка с 1945 г. в ФРГ и за рубежом, вызванного, во-первых, статусом немецкого как «языка горизонтали», используемого лишь во внутриэтническом общении, по отношению к американскому варианту английского языка как «языку вертикали», обеспечивающего образование, социальный и карьерный рост (буквально продвижение вверх) и социальное размежевание (*language of high snobility*); во-вторых, вытеснением немецкого языка из ряда дискурсов: науки, техники, философии, политики, психологии, финансов и бухгалтерского дела и, в-третьих, проистекающей отсюда непопулярностью немецкого языка на фоне корпусно-статусных преимуществ американского варианта английского языка.

Таким образом, следует признать чрезвычайно актуальной задачу разностороннего описания тенденций в языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., для которых в настоящей работе предлагается термин «экзоглосные» в соответствии с типом исследуемой языковой ситуации (один из контактирующих языков является импортированным). Совокупность экзоглосных тенденций в развитии немецкого литературного языка указанного временного диапазона обозначается в диссертационном исследовании как «американизация».

Центральным для диссертационной работы является понятие «экзоглоссия» (греч.: *exo* = внешний, *glōssa* = язык, речь), обобщающее целостную картину изменений в определённой языковой ситуации. Данное понятие многозначно: во-первых, им обозначается период исторического развития литературного языка, в который большинство заимствований происходит из материала определённого языка-донора; во-вторых, экзоглоссией называется такой характер заимствования, при котором количество заимствованных или образованных на основе заимствованного материала единиц превосходит новообразования, созданные из собственных средств языка-реципиента; в-третьих, под экзоглоссией понимается

такое функционирование языка, при котором степень использования или цитирования средств языка-донора в речи чрезвычайно высока. В широком смысле экзоглоссия представляется как языковая ситуация, в которой предпочтение отдаётся не собственному языку, а более престижному иностранному.

Введение понятия экзоглоссии в аппарат отечественной лингвистики позволяет глубже понять природу изменения литературных языков, раскрыть закономерности данного изменения, а также логично дополнить понятийно-терминологический аппарат социолингвистики, в котором уже присутствует термин «экзоглоссный», используемый для описания типов языковых ситуаций. Термин «экзоглоссия» выступает также важным звеном в понятийной цепи «экзоглоссия → диглоссия → полиглоссия», характеризующей этапы развития литературных языков, где «экзоглоссия» обозначает языковую ситуацию в историческом развитии литературного языка (диахронно), диглоссия – языковое состояние (синхронно), а полиглоссия – структурно-генетическую особенность литературного идиома.

Объектом исследования выступает языковая ситуация в ФРГ 1945–2010 гг.

Предметом являются экзоглоссные тенденции в развитии немецкого литературного языка ФРГ указанного временного диапазона, свидетельствующие об американизации данного языка.

Фактический материал исследования извлечён из ряда первичных и вторичных источников.

Первичными источниками, отражающими реальное функционирование языка, послужили: 1) записи живой речи носителей языка во время научно-исследовательских стажировок автора диссертации в ФРГ в период с 1997–2008 гг.; 2) корпус, извлечённый из а) текстовых материалов немецкоязычных печатных и электронных изданий «*Deutsche Welle*», «*Spiegel*», «*Focus*», «*Die Zeit*», «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*», «*Die Welt*», «*Frankfurter Rundschau*», «*Hamburger Abendblatt*», «*Süddeutsche Zeitung*», «*Financial Times Deutschland*», «*Cosmopolitan*», «*Men's Health*» и б) аудио- и видеоматериалов каналов массового вещания ФРГ «*ARD*», «*N24*», «*Deutsche Welle*», «*Pro7*», «*WDR2*», «*NDR*», «*Sat.1*» за период 1945–2010 гг.

Для исследования научной и художественной функционально-стилистических разновидностей немецкого литературного языка указанного временного диапазона были проанализированы тексты следующих авторов: 1) W. Pohlitz, A. Böge, G. Böhme, F. Oehme, A. Knoll, Th. Christaller, A.B. Kesel, E. Hörmannsdorfer, U. Dorau, H. Bremer, K. Strobach, L.J. Seiwert, R. Volk, H.-J. Sinell (в стиле науки с выделением 759 англоамериканизмов); 2) I. Harms, U.C. Schreiber, R. Krohn, E. Reiner, M. Hammerschmitt, R. Rehmann, J. Petschull, I. Dische, E. Herrmann, Ch. v. Kamp (в художественном стиле с актуализацией 742 англоязычных вкраплений). К числу англоамериканизмов и англоязычных вкраплений в обоих стилях относятся также единицы, подверженные англо-американскому влиянию.

Собранный корпус текстовых материалов составляет 15 145 условных страниц и включает 7 212 лексических единиц и 326 грамматических конструкций. Корпус аудио- и видеоматериалов содержит 94 единицы вариативного произношения и 487 вариантных оппозиций образца «(американский) английский vs. немецкий».

В качестве *вторичных источников* привлекались: 1) одноязычные лексикографические издания «*Duden. Deutsches Universalwörterbuch*» (2011); «*Duden Fremdwörterbuch*» (2010); «*Wahrig Fremdwörterlexikon*» (2010); 2) универсальный электронный справочник «*Duden, Langenscheidt, Brockhaus*» (1993–2009), электронный толковый словарь немецкого языка «*Wahrig.digital*» (2007); 3) онлайн-словари «*Winzer-Lexikon*» (2003), «*Weinsprache*» (2003), «*Wörterbuch der deutschen Winzersprache (WDW). Online-Wörterbuch 4.0*» (2009), «*Roche Lexikon Medizin*» (2003), «*Lexikon der Medizin*» (2006), «*Chat-Slang: Lexikon der Internet Begriffe aus Chat, e-Mail, Forum und Newsgroups*» (2009), «*cyberslang.de: Die Sprache der Internet-Generation*» (1999–2010), «*www.at-mix.de: News und Online Lexikon zu Computer, Internet und eCommerce*» (2004–2010); 4) немецкие ортологические издания по исследуемой проблематике, вышедшие за период 2000–2010 гг.; 5) корпуса англо-американской лексики в немецком языке: а) «*Anglizismen-INDEX*» VDS (до 2010), б) «*Anglizismen-Wörterbuch: der Einfluss des Englischen auf den deutschen Wortschatz nach 1945*» Б. Карстензена (1965–2001, продолженный с 1992 г. У. Буссэ), в) «*Neuer Wortschatz: Neologismen der 90-er Jahre im Deutschen*» Д. Герберга (2004); г) «*Anglo-amerikanische Wortliste*» В. Незера (2002); б) списки «*Wörter des Jahres*» с 1977–2010 гг. и «*Unwörter des Jahres*» с 1991–2010 гг. GfdS.

Цель исследования состоит в раскрытии экзогlossных тенденций на экстра- и интралингвистических уровнях системы немецкого литературного языка, а также в текстах его функционально-стилистических разновидностей в рамках языковой ситуации в ФРГ периода 1945–2010 гг.

В работе выявляются *наиболее эксплицитные и репрезентативные экзогlossные тенденции*, так как, по мнению Г. Лангнера, само понятие «тенденция» носит весьма обобщённый характер и никогда не замыкается одним уровнем языка и даже одним языком [Langner, 1980, с. 674]. Экзогlossные тенденции проявляются прежде всего в наддиалектной языковой форме, поэтому исследование сфокусировано на процессы в немецком *литературном* языке. Избранный принцип согласуется с экстра- и интралингвистической традициями описания языковых ситуаций, где признаки выделения компонентов последних (контактирующих идиомов) в целом совпадают с дифференциальными признаками литературного языка [ср.: Филичева, 1992, с. 18]. Исследование заимствований в речи как результата языкового контакта (коммуникативный аспект) или средств создания колорита (стилистический аспект) также традиционно проводится в системе функциональных стилей как форм существования литературного языка и не затрагивает диалектной сферы (ср.: Riesel, 1959; Брандес, 1983; Наер, 2006).

В связи с поставленной целью сформулированы следующие **задачи**:

1) вывести принципы, составляющие фундамент теории экзогlossии на основе анализа исторического развития немецкого литературного языка;

2) разработать понятийно-терминологический аппарат теории экзогlossии в соответствии с аспектами её лингвистической специализации;

3) выявить систему метагlossных параметров для определения характера функционирования немецкого литературного языка как компонента исследуемой языковой ситуации;

4) провести комплексный анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., предполагающий: определение хронологических рамок американизации немецкого литературного языка и раскрытие общих и частных экзогlossных тенденций на

разных уровнях системы языка и его функционирования в художественной, обиходной, научной, профессиональной речи и в средствах массовой информации;

5) определить характер процесса заимствования англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка периода 1945–2010 гг.;

б) рассмотреть ведущие сценарии регулирования немецкого литературного языка в условиях экзогlossного влияния американского варианта английского языка в соответствии с принципами языковой политики ФРГ;

7) смоделировать процесс функционирования немецкого литературного языка в условиях экзогlossии.

Общей методологической основой исследования, способствующей решению вышеперечисленных задач, является диасистемный подход к анализу языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг., предполагающий выделение диафазного (диахронического), диастратического (структурно-функционального) и диафункционального (социолингвистического) аспектов теории экзогlossии.

Корпус **методов**, применяемый в рамках этого подхода, включает в себя общенаучные и лингвистические: метод дефиниционного и контекстуального анализа, метод выделения крайних точек исторических процессов, метод семантической интерпретации, моделирующий, системно-функциональный, описательный, сопоставительный методы, а также метод композиционного и стилистического анализа. При необходимости привлекались приёмы элементарной статистики (выявление статистической значимости, исследования зависимостей, построение схем и таблиц) и графического изображения полученных результатов.

Теоретико-методологической базой исследования явились основные положения, выдвинутые ведущими отечественными и зарубежными учёными, в области *истории немецкого литературного языка* (В.М. Жирмунский, О.И. Москальская, М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.С. Бабенко, А.И. Домашнев, В.Н. Федорцова, Н.И. Филичева, Н.С. Чемоданов, V. Klemperer, P. v. Polenz, P. Braun, G. Wolff), *теории развития литературных языков* (М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, Н.И. Филичева, Э.Г. Туманян, Л.В. Бронник, Г.П. Мельников, Н.Б. Вахтин, R. Keller, R. Müller, К.-Н. Vausch, G. Eckert, R. Schrodtt), *стилистики немецкого языка* (М.М. Гухман, Э.Г. Ризель, М.П. Брандес, Е.В. Шендельс, Н.М. Наер, Л.Б. Копчук, V. Sandig, M. Hoffmann, W. Fleischer, G. Michel, D. Faulseit, G. Kühn), *теории языковых контактов* (Л.В. Щерба, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.Ю. Розенцвейг, В.В. Кабакчи, В. Carstensen, W. Viereck, E. Haugen, W. Voigt, Н.-G. Schmitz, H. Schuchardt), *лексикологии и грамматики немецкого литературного языка* (В.Г. Адмони, Е.И. Шендельс, Е.В. Розен, О.А. Кострова, В.Н. Федорцова, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, М.Д. Степанова, И.И. Чернышёва, Л.А. Нефёдова, Г.Г. Едиг, А.П. Дульзон, Ю.Г. Коротких, А.А. Уфимцева, И.И. Ревзин, Ю.М. Шемчук, F. Debus, L. Götze, D. Herberg, H. Paul, G. Helbig, E. Seebold, T. Schippan, H. Bussmann, Ch. Dürscheid, P. Eisenberg, W. Schmidt), *концепций экзогlossии* (I. Skattum, K. Holter, V. Brock-Utne, S. Hochhaus, B. Heine, T. Skutnabb-Kangas, B. Gomes, H. Naarmann), *типологии языковых ситуаций* (Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер, В.А. Виноградов, В.Я. Пархомовский, А.И. Коваль, Н.Б. Мечковская), *концепций языковой политики и языкового планирования в различных типах языковых ситуаций* (С.Н. Кузнецов, В.Т. Клоков, Е.Б. Гришаева, Л.К. Граудина, М.А. Бородина, R.T. Bell, R. Noss, C. Paulston, H. Naarmann, C. Fabricius-Hansen, H. Christ, W. Münch, C. Földes, R. Hoberg, E.W.V. Hess-Lüttich, U. Linke).

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Диссертация представляет собой первую работу, посвящённую осмыслению характера исторического развития немецкого литературного языка с позиции экзогlossных влияний.

2. Впервые представлено комплексное экстра- и интралингвистическое описание общих и частных экзогlossных тенденций в языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. Систематизированы англо-американские влияния на разных уровнях системы немецкого литературного языка ФРГ и её функционирования в разных сферах его использования, дана целостная картина экзогlossной ситуации, включая этапы её формирования.

3. Предложена теория экзогlossии, обобщающая мировой опыт анализа и описания процессов в рамках экзогlossных языковых ситуаций. Сформирована система метагlossных параметров, позволяющая выявлять изменения на интра- и экстралингвистических уровнях определённых компонентов языковой ситуации. Разработан понятийно-терминологический аппарат теории экзогlossии в соответствии с её лингвистической специализацией.

4. Разработана интегративная методология диасистемного анализа, сочетающая принципы социолингвистического, структурно-семантического и функционального подходов. Методология включает диафазный, диастратический и диафункциональный аспекты анализа, что открывает новые возможности теоретического осмысления процессов развития литературных языков. Диафазный анализ позволяет определить крайние точки экзогlossной динамики, охватывающей несколько волн заимствования. Диастратический анализ раскрывает глубину и интенсивность данной динамики посредством определения индекса экзогlossности на отдельных уровнях системы языка. Диафункциональный анализ позволяет выявить характер преобразования литературного языка коммуникативным сообществом.

5. Предложены новые критерии типологии англо-американских заимствований, дополняющие и углубляющие представление о характере словообразовательных тенденций и тенденций семантизации в системе немецкого литературного языка периода американизации: по способу деривации и композиции. Деривационный критерий позволяет дифференцировать процессы априорной и апостериорной деривации, композиционный критерий – процессы гибридизации, реэтимологизации, ре- и неосемантизации, контаминации, контракции и акронимизации внутри заимствованного пласта лексики.

6. Систематизированы инструменты языковой регуляции по временной соотнесённости и в соответствии с регулируемым объектом. Рассмотрены ведущие сценарии регулирования немецкого литературного языка в условиях американизации. Выявлена экзо-эндогlossная (центричная) модель его функционирования.

Теоретическая значимость диссертации определяется следующим.

1. Предложена методология комплексного диасистемного анализа компонентов экзогlossной языковой ситуации, предполагающая взаимное дополнение диахронического, социолингвистического и структурно-функционального подходов.

2. Построена теория экзоглоссии, создана терминосистема данной теории, сочетающая в себе принцип объективности знания с представлениями об активном характере гносеологических процессов. Выявление разнонаправленности процессов языкового развития значимо для решения проблем кодификации норм немецкого литературного языка в условиях американизации, а также задач межкультурной коммуникации в рамках экзоглоссных языковых ситуаций.

3. Система метаглоссных параметров анализа и понятийно-терминологический аппарат исследования могут быть положены в основу изучения функционирования других литературных языков как компонентов экзоглоссных языковых ситуаций, могут использоваться для прогнозирования последующей фазы языкового развития и анализа тенденций языковой политики в многокомпонентных языковых ситуациях.

4. Синтезированные направления и разработанные принципы описания изменений в системе немецкого литературного языка способствуют совершенствованию анализа экзоглоссных языковых ситуаций, расширяют и углубляют положения теории развития литературных языков, теории языковой эволюции, контактной, исторической и социальной лингвистики.

Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в учебных и лексикографических целях. Положения и выводы могут быть применены при чтении вузовских курсов, в том числе по истории, лексикологии, грамматике, фонетике, стилистике немецкого языка, межкультурной коммуникации, при преподавании таких теоретических дисциплин, как теоретическая грамматика, теоретическая фонетика, германское языкознание, социолингвистика, а также при разработке спецкурсов по языковой политике и теории перевода, при написании курсовых и дипломных работ. Наблюдения и обобщения могут быть использованы также специальными нормализаторскими объединениями или комиссиями, задачей которых является разработка принципов языкового планирования с целью обеспечения адекватности языковой коммуникации в социуме и организации языковой политики на государственном уровне.

Достоверность и обоснованность исследования обеспечивается использованием системно-моделирующего подхода к изученной проблематике, комплексной методике анализа, уровнем систематизации и теоретической проработки изучаемых вопросов, привлечением широкого круга источников и непротиворечивостью научных положений и выводов. Положения предложенной теории основываются на статистически значимых результатах исследования, конденсируют и обобщают опыт ведущих исследователей в данной области.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Фундаментальной для теории экзоглоссии является оппозиция «экзоглоссия vs. эндоглоссия», выступающая одновременно базовой единицей системы метаглоссных параметров: экзоглоссия характеризует такой вектор языкового развития, который направлен на изменение языка (диаморфизм), эндоглоссия представляет фактор внутренней системной стабилизации и направлена на сохранение системы языка (изоморфизм).

2. Аспектами теории экзоглоссии являются: диафазный – исторический, диастратический – структурно-функциональный, диафункциональный – социолингвистический. *Диафазный* аспект объективирует определённый отрезок диахронии, в котором установлена тенденция к экзо- или эндоглоссии. *Диастратический* аспект охватывает все интралингвистические подуровни языка: грамматический, графический, лексико-семантический и прагматический. *Диафункциональный* аспект эксплицирует социолингвистические особенности функционирования языка и ограничен рамками языковой ситуации. Диафазный анализ предполагает установление «диафазы» как языковой ситуации в истории литературного языка, соответствующей продолжительности фазы экзо- или эндоглоссии. В ходе диастратического анализа определяется «индекс экзоглоссности», эксплицирующий степень подверженности подсистем конкретного интралингвистического подуровня влиянию языка-донора (степень диаморфизма). Целью диафункционального анализа является выявление характера функционирования определённого компонента языковой ситуации.

3. В рамках исследуемой языковой ситуации выделены два периода американизации: 1) 1945–1990 гг. и 2) 1990–2010 гг. Исторической вехой, обусловившей дифференциацию периодов, является воссоединение Германии в 1990 г. Периоды американизации различаются по степени интенсивности, а также сферам насыщения немецкого литературного языка англо-американской лексикой.

4. Интегральными признаками экзоглоссии в истории немецкого литературного языка выступают: 1) многоуровневая асимметрия интегрируемого и автохтонного языкового материала (диастратическая асимметрия предполагает расхождение функционально-стилистического и дискурсивного номиналов, наблюдаемое у заимствуемых и автохтонных языковых единиц; диафазная асимметрия эксплицирует различия заимствований разных периодов и из разных языков-доноров; диафункциональная асимметрия выражается в несовпадении базовых механизмов порождения речи, используемых средств (конструкций) и языковых категорий, когнитивных стереотипов, а также типологических функций контактирующих идиомов); 2) высокая степень цитируемости языка-донора в языке-реципиенте; 3) интерференция, вызванная заимствованными экзоглоссными единицами в языке-реципиенте и ведущая к формированию устойчивого коррелята нормы (экзоглоссного полюса); и 4) гибридизация языка-реципиента в рамках экзоглоссной языковой ситуации.

5. Экзоглоссные тенденции разделяются на общие (распространяющиеся на всю систему немецкого литературного языка) и частные (характеризующие функционирование отдельных её единиц). *Общими* тенденциями в рамках языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. являются: а) заимствование англоамериканизмов в состав немецкого литературного языка, б) тенденция последнего к алломорфии, в) преобладание именных частей речи (преимущественно имён существительных) над остальными в процессе заимствования. Общей экзоглоссной тенденцией первого периода американизации (1945–1990 гг.) выступает лояльность к источнику заимствования. Во втором периоде американизации (1990–2010 гг.) наблюдаются общие экзоглоссные тенденции к а) апостериоризации как частному случаю гибридизации заимствованных и автохтонных единиц и б) подражанию речевым стереотипам американского варианта английского языка вследствие переводческого автоматизма.

6. Экзоглосными тенденциями *частного* характера в системе немецкого литературного языка являются следующие. *На фонетическом уровне*: тенденция к переозвучиванию экзоглосных (ранее заимствованных) единиц в соответствии с произносительными нормами американского варианта английского языка. *На морфосинтаксическом уровне*: тенденции к колебанию и упрощению грамматической формы заимствованных единиц. *На графическом уровне* наблюдается тенденция к недостаточной графической адаптации и неполному охвату орфографическими предписаниями всего спектра англоязычных заимствований. *На лексико-семантическом уровне*: тенденции к интернационализации заимствованной лексики англоязычного происхождения, образованию гетеролингвальных вариантов, универбации, линейному сокращению лексических единиц, деривации на основе суффиксирования заимствованного морфемного материала англоязычного происхождения. *На прагматическом уровне*: тенденции к изменению в категории дейксиса и появлению модных слов. Наиболее эксплицитной экзоглосной тенденцией *в области фразеологии* выступает, на наш взгляд, интrenaционализация фразеологических единиц, ведущая к образованию интерфразеологизмов.

7. Экзоглосными тенденциями *частного* характера на уровне функционирования немецкого литературного языка являются следующие. *В официально-деловом функциональном стиле и стиле науки* наблюдается тенденция к терминологизации специальных и общеупотребительных англоязычных заимствований. *В функциональном стиле публицистики и прессы* установлена тенденция к использованию англоязычных единиц с целью 1) рационального и 2) эмоционального воздействия на реципиента. *В разговорно-обиходном функциональном стиле* зафиксированы тенденции к 1) искажению исходной формы англоязычных заимствований и 2) использованию англоамериканизмов в функции социальных жаргонизмов. *В художественном функциональном стиле* выявлены тенденции к маркировке 1) экзоглосного регистра с целью разделения линий сюжета и 2) инокультурных реалий главным образом через использование англоязычных варваризмов и экзотизмов.

8. Наиболее подверженной экзоглоссии лексической сферой немецкого литературного языка является периферийная (*Fremdwortschatz*) с установленной тенденцией к диаморфизму в лексико-семантической группе «лексика сети Internet» с индексом экзоглосности 0,635. Менее подверженной выступает дополнительная лексическая сфера (*Lehnwortschatz*), представленная ассимилированным составом в группе «медицинская лексика» (0,024). Минимальный индекс экзоглосности зафиксирован в лексико-семантической группе «лексика виноградарей и виноделия» базисной лексической сферы (*Erbwortschatz*) немецкого словарного фонда – 0,001. Лексически наиболее инвазивными выступают тексты стиля публицистики и прессы и разговорно-обиходного стиля с индексами соответственно 0,663 и 0,685. Плотность лексической инвазивности на страницу немецкого текста равна 2,647, грамматической – 0,022. Наибольшая грамматическая инвазивность зафиксирована в текстах научного (0,028) и официально-делового стилей (0,038) немецкой литературной речи.

9. Социолингвистическими симптомами демократизации литературных норм немецкого языка ФРГ выступают: падение статуса немецкого литературного языка в научной и образовательной средах, создание Союза немецкого языка (VDS) для борьбы с последствиями демократизации языковой политики и американизации немецкого литературного языка, восприятие американского варианта английского языка в языковой ситуации в ФРГ как языка-макропосредника.

10. Принципом центричной (экзо-эндогlossной) модели функционирования немецкого литературного языка выступает баланс между экзогlossным и эндогlossным полюсами языкового развития. Диафазный аспект предполагает диглоссию при дублировании импортируемых средств, а также раздельное использование экзо- и эндогlossных регистров. Основным критерием диастратического центризма выступает баланс диа- и изоморфного функционирования немецкого литературного языка. В диафункциональном аспекте центризм эксплицируется в дополнительном (аддитивном) билингвизме с американским вариантом английского языка как экзогlossным компонентом языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.

Апробация работы проходила на расширенном заседании кафедры немецкого языка ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия», а также в виде докладов и выступлений на более чем 40 научно-практических конференциях международного, всероссийского, регионального и межвузовского уровня: «Межкультурная коммуникация: теория и практика» (г. Томск, ТПУ, 2005–2010 гг.), «Наука и образование» (г. Белово, БФ КемГУ, март 2006 г.), «Инновации в непрерывном лингвистическом образовании» (г. Тамбов, ТГУ, октябрь 2008 г.), «Проблемы межкультурной коммуникации» (г. Кемерово, КемГУ, апрель 2009 г.), «Язык. Культура. Коммуникация» (г. Ульяновск, УлГУ, май 2009 г.), «Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры» (г. Москва, МГПУ, июнь 2009 г.), «Южно-Российские научные чтения: Язык как система и деятельность» (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ, октябрь 2009 г.), «Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве» (г. Элиста, КалмГУ, ноябрь 2009 г.), «Новые идеи в лингвистике XXI века» (г. Пятигорск, ПГЛУ, ноябрь 2009 г.), «Германистика на рубеже тысячелетий» (г. Набережные Челны, НФ НГЛУ, декабрь 2009 г.), «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (г. Санкт-Петербург, ГПА, февраль 2010 г.), «Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты» (г. Благовещенск, БГПУ, февраль 2010 г.), «Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике» (г. Барнаул, АлтГПА, март 2010 г.), «Иностранные языки. Герценовские чтения» (г. Санкт-Петербург, РГПУ, апрель 2010 г.), «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (г. Томск, ТПУ, 2004–2012 гг.), «Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей» (г. Томск, ТПУ, 2004–2012 г.), «Язык и коммуникация в контексте культуры» (г. Рязань, РГУ, июнь 2010 г.), «Диалог культур – культура диалога» (г. Кострома, КГУ, г. Дармштадт, сентябрь 2010 г.), «Современная филология в международном пространстве языка и культуры» (г. Астрахань, АГУ, декабрь 2010 – январь 2011 г.), «Naukowa przestrzeń Europy» (г. Пшемысль (Польша), апрель 2011 г.), «Язык и межкультурная коммуникация»

(г. Великий Новгород, НГУ, май 2011 г.), «Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве» (г. Горно-Алтайск, ГАГУ, июнь 2011 г.), «Гуманитарные науки и современность» (г. Москва, МИИ, ноябрь 2011 г.), «Основные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов» (г. Томск, ТПУ, март 2012 г.), «Найновите постижения на европейската наука» (г. София, 17–15 июня 2012 г.), «Варьирование в языке и культура речи» (г. Томск, 25–27 июня 2012 г.), «Aktuální vymoženosti vědy» (г. Прага, 27 июня – 5 июля 2012 г.), «Язык и культура» (г. Томск, ТГУ, 21–24 октября 2012 г.), «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, НГЛУ, 8–10 апреля 2013 г.).

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 74 публикациях (общим объёмом 81,8 п.л.): 3 монографиях, 2 словарях, 5 учебных и учебно-методических пособиях, 64 статьях и сообщениях в журналах и межвузовских сборниках научных трудов, 22 из которых опубликованы в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Структура диссертации обусловлена логикой исследования, его целями и задачами, отражает последовательность предпринятого исследования и состоит из введения, 4 глав, заключения, библиографического списка, перечня принятых в работе сокращений и 3 приложений. Библиографический список включает 513 источников, в том числе 296 на иностранных языках.

Содержание и основные результаты исследования

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, её актуальность, указывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи исследования, называются гипотеза, объект, предмет, даётся описание использованного материала и методологических основ его анализа, определяются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации и внедрении результатов.

Первая глава «**Явление экzogлоссии в историческом развитии немецкого литературного языка**» посвящена комплексному описанию явления экzogлоссии в контактологическом, социолингвистическом и структурно-функциональном аспектах на примере исторического развития немецкого литературного языка. Выстраивается конструкт экzogлоссической теории, выделяются её аспекты, в соответствии с которыми представляется система метаглоссных параметров, вводится понятийно-терминологический аппарат теории экzogлоссии.

В качестве *репрезентативных компонентов языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.* (включая так называемые «нулевые годы»: 1945–1949 гг.) рассматриваются: *национально гомогенный литературный немецкий язык* (эндоглоссный компонент), ограниченный национальной территорией Германии и являющийся традиционным экспонентом системы немецкого языка в целях его исследования и изучения [Домашнев, 1983, с. 8], и американский вариант английского языка как язык социального престижа (экzogлоссный компонент). В целях сохранения терминологической ясности и тождества базового экспонента изучаемой языковой ситуации из области исследования исключена историческая языковая ситуация ГДР, а также других немецкоговорящих стран и ареалов дочернего языкового континуума.

Указанные компоненты языковой ситуации в ФРГ находятся в *языковом контакте* [Viereck, 1988, с. 939], под которым понимается взаимодействие двух и более языков на территории распространения одного языка, при этом контакт бывает не обязательно вызван территориальной близостью или персональным контактом говорящих на разных языках: он может быть виртуальным, т.е. основанным на исторически, культурно, политически обусловленных связях. Причиной языкового контакта американского варианта английского и немецкого языков на территории ФРГ является исторически и политически обусловленный *престиж* американского варианта английского как языка науки, экономики, моды, дипломатии и технологий. Данный престиж мотивирован также восстановлением так называемой «старой ФРГ» (до 1990 г.) силами союзников американо-британской коалиции после второй мировой войны и обусловил американизацию немецкого литературного языка.

Американизация понимается, во-первых, как совокупность экзогlossных тенденций в языковой ситуации в ФРГ изучаемого временного диапазона, во-вторых, как характеристика определённого исторического этапа развития немецкого литературного языка, который, с одной стороны, обнаруживает определённые параллели с периодами латинизации и галлизации, однако, с другой стороны, противопоставлен им по интенсивности и продолжительности.

Указанные периоды сопровождаются явлением инвазивного заимствования лексических единиц в системе немецкого литературного языка, при котором более 50% всех новообразований происходит из определённого языка-донора. Так, по данным Д. Герберга (IDS, Мангейм), 60% всех новообразований в немецком языке за период 1990–1999 гг. составляют единицы, *заимствованные* (40%) либо *созданные на основе материала американского варианта английского языка* (20%) [Herberg et al., 2004, с. XV]. Для экзогlossии типичен также перевес имён существительных как выражение потребности в номинации явлений в изменённых условиях реальности [Романов и др., 2007; Haspelmath, 2008]. Так, на 8 170 англоамериканизмов в проанализированных лексико-семантических группах немецкого литературного языка периода американизации «лексика виноградарей и виноделия», «медицинская лексика», «лексика сети Internet» приходится 8 166 имён существительных, что составляет 99,95% от общего числа зафиксированных в них англоязычных заимствований.

Экзогlossия может диагностировать и характер словообразования в языке-реципиенте: к примеру, В.Н. Федорцова отмечает со ссылкой на Р.З. Мурясова, что интернациональные словообразовательные элементы составляют около 78% от общего числа аффиксов в немецком языке [Федорцова, 1994, с. 3].

Функционирование немецкого литературного языка в различные исторические периоды можно представить как историлекты, под которыми понимается *литературный стандарт выражения*, присущий определённой исторической эпохе (латинизации, галлизации, американизации) и обусловленный определёнными тенденциями экстра- и интралингвистического плана. Термин «тенденция» в определении П. Брауна имеет два дифференциальных признака: «*начало, отправная точка определённого процесса и наличие константных явлений*» [Braun, 1993, с. 93]. Тенденции могут быть экзогlossными, т.е. ориентироваться на внешний (экзогlossный) компонент языковой ситуации, и эндогlossными, т.е. ориентироваться на одно из прошлых состояний языка-реципиента, которое обосновывается как образцовое. Под *экзогlossными тенденциями* в рамках исследуемой языковой ситуации понимаются *процессы в системе немецкого литературного языка, начавшиеся с диафазой американизации и характеризующиеся относительной константностью*.

В соответствии со степенью действия в системе немецкого литературного языка экзогlossные тенденции данного периода можно разделить на общие и частные. *Общие экзогlossные тенденции* затрагивают процессы на уровне языковой системы, *частные экзогlossные тенденции* распространяются на отдельные языковые подуровни и касаются функционирования единиц системы немецкого литературного языка.

В основе теории экзогlossии лежит противопоставление экзогlossии и эндогlossии, выступающих маркёрами категорий Чужого и Своего. Чужое эксплицируется в так называемом диаморфизме, т.е. изменении языковой формы, Своё – в изоморфизме, соответствующем её сохранению. Языковое развитие представляется вектором, указывающим либо в сторону Чужого, либо в сторону Своего, в результате чего в языке-реципиенте образуются единицы экзогlossного или, соответственно, эндогlossного образца.

Под *экзогlossным вектором развития* понимается такой характер функционирования языка-реципиента, при котором стандартом для него выступает некий язык-донор, представляющий для носителей определённый социальный престиж. *Эндогlossным* обозначается противоположный вектор, который предполагает ориентацию на одно из прошлых состояний языка, считающееся образцом языкового функционирования (стандартом).

Экзогlossное функционирование языка-реципиента обуславливает его *ксенизацию* посредством интенсивного заимствования средств определённого языка-донора. Ксенизация выступает стойкой характеристикой исторического развития литературных языков. Термин «ксенизация» вводится впервые в качестве кальки немецкого термина «*Überfremdung*», широко используемого немецкими германистами для описания американизации немецкого литературного языка ФРГ, но не имеющего эквивалента русском языке, ср.: «*Seit dem Ende des zweiten Weltkrieges macht die Überfremdung des allgemeinen Wortschatzes in Westdeutschland durch englische und amerikanische Ausdrücke bedenkliche Fortschritte*» [Schmidt, 1964, с. 161]. Слово «*Überfremdung*» было выбрано обществом GfdS в качестве «слова-паразита» (*Unwort des Jahres*) 1993 г., обличающего негативные тенденции словоупотребления в языковой ситуации в ФРГ.

Противоположное (эндогlossное) функционирование приводит к *архаизации* языка-реципиента и характеризует территориальные формы языка (диалекты, говоры). Тем самым в целях терминологической ясности термин «ситуация» уместно использовать в случае экзогlossии, а в контексте эндогlossии употреблять термин «состояние»: «экзогlossная языковая ситуация», но «эндогlossное языковое состояние».

Совокупность *подсистем всех компонентов языковой ситуации*, взаимодействие которых приводит к образованию экзогlossных тенденций, обозначается термином «диасистема» [Coseriu, 1970, с. 118]. Укрупнённые рамки исследования, заданные необходимостью введения в аппарат лингвистики понятия экзогlossии, обусловили новый подход к анализу диасистемы языковой ситуации. В соответствии с данным подходом аспектами анализа диасистемы литературного немецкого языка периода американизации выступают 1) диафазный, 2) диастратический и 3) диафункциональный аспекты, соответствующие лингвистической специализации теории экзогlossии.

1. *Диафазный* (исторический) уровень объективирует определённый отрезок диахронии, в котором установлена тенденция к экзо- или эндоглоссии. Ключевым термином данного уровня является «*диафаза*» как языковая ситуация в истории литературного языка, соответствующая продолжительности фазы экзо- или эндоглоссии. Диафазный анализ предполагает выделение релевантного метаглоссного параметра, т.е. вектора языкового развития, установление типа и источника заимствования, выделение хронотопа заимствованных единиц или страт лексики, их социальную маркировку в языке-реципиенте, тематических сфер, путей распространения, периодов, каналов и основных социальных групп – посредников тенденции.

2. *Диастратический* (структурный) уровень охватывает интралингвистические подуровни языка, т.е. строение (собственную структуру) языка, под которым в диссертационной работе вслед за А.И. Домашневым понимается «совокупность иерархических форм, в которых язык проявляется на определённом этапе своего развития» [Домашнев, 1983, с. 5]. Диастратические особенности системы немецкого литературного языка ФРГ периода американизации предполагают изучение вопросов, связанных с его стратификационным наполнением. Диастратический анализ предполагает анализ подсистем, целью которого является определение индекса экзоглоссности и, следовательно, глубины изменений (степень диаморфизма).

Ключевым термином данного диастратического уровня выступает «*индекс экзоглоссности*», под которым понимается коэффициент соотношения экзоглоссных и эндоглоссных элементов в определённой подсистеме немецкого литературного языка. Индекс экзоглоссности определяет степень подверженности подсистем конкретного интралингвистического подуровня влиянию языка-донора, к примеру, степень инфильтрации англоамериканизмов в состав немецкого литературного языка.

Экзоглоссный индекс американизации равен частному общего количества единиц определённого подуровня ($\{x\}$ подуровень) и числа зафиксированных англоамериканских заимствований ($\{x\}AA$):

$$I_{\text{экз}} = \frac{\{x\}\text{подуровень}}{\{x\}AA}.$$

За общее количество единиц в реферируемой работе принималось совокупное число лемм, зафиксированных в нескольких лексикографических изданиях репрезентативной выборки, изданных в исследуемый период, без учёта симптоматической статистики. К примеру, для анализа состава лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделия» были привлечены четыре толковых немецкоязычных онлайн- и электронных словаря с общим лексическим охватом 12 520 единиц: 1) «*Winzer-Lexikon*» (2003); 2) «*Weinsprache*» (2003); 3) «*Wörterbuch der deutschen Winzersprache (WDW) Online-Wörterbuch 4.0*» (2009); 4) «*PC Bibliothek Benutzerwörterbuch der Weinsprache*» (1993–2009). Повторяющиеся леммы принимались за одну единицу. Число зафиксированных англоамериканизмов в корпусе привлечённых лексикографических изданий равно 24. Таким образом, индекс экзоглоссности лексико-семантической группы «лексика виноградарей и виноделия» в немецком словарном фонде составляет

$$I_{\text{экз}} (\text{Winzer-} / \text{Weinsprache}) = \frac{24}{12520} = \underline{\underline{0,001}}.$$

Аналогичным образом был рассчитан индекс экзоглосности лексико-семантических групп «медицинская лексика» (0,024) и «лексика сети Internet» (0,635) немецкого словарного состава. Индекс экзоглосности ниже 0,5 свидетельствует о незначительной инфильтрации англоязычного материала, низкой степени влияния языка-донора на словарную область исследованной лексико-семантической группы и, следовательно, об её изоморфном функционировании. Индекс выше 0,5 эксплицирует тенденцию к диаморфизму в определённой лексической сфере.

Наиболее подверженные американизации сферы словарного состава немецкого литературного языка определялись в выделяемом нами первом периоде американизации В. Фиреком (1988), во втором периоде – Д. Гербергом (2001). Данные В. Фирека получены путём количественного анализа картографических материалов за период 1945–1988 гг. с привлечением широкого спектра лексикографических и печатных изданий [Viereck, 1988, с. 942–946]. Основу исследования Д. Герберга составляет проект «*Neologismenprojekt*», целью которого является описание фактического языкового прироста в немецком литературном языке 1990-х годов. Лексические сферы словарного состава определяются на материале отобранных 800 неологизмов: за наиболее инфильтрированные принимаются сферы с наибольшим языковым приростом (компьютерных и Internet-технологий, средств массовой информации, социальная сфера и др.) [Herberg et al., 2002:196–197].

Подходы и полученные данные указанных исследователей не противоречат методологии, применяемой в реферируемой диссертации. Справедливость выводов Д. Герберга подтверждается данными анализа лексики сети Internet с зафиксированной тенденцией к диаморфизму (0,635), а также коэффициентом лексической инвазивности текстов стиля публицистики и прессы немецкой литературной речи 0,663, свидетельствующем о высокой степени инфильтрации данной лексической сферы немецкого словарного состава англоязычными заимствованиями.

3. *Диафункциональный* уровень имплицитно социолингвистическую плоскость и ограничен рамками языковой ситуации в экстралингвистическом смысле. Целью диафункционального анализа выступает установление характера функционирования исследуемого компонента языковой ситуации в пределах определённого административно-территориального образования. Характер функционирования компонента языковой ситуации является важнейшим индикатором тенденций в системе последнего и соотносится с ориентиром развития, направленным либо в сторону изоморфизма (сохранения языка), либо диаморфизма (языкового изменения).

Ориентир развития, направленный либо в сторону изоморфизма (сохранения языка), либо диаморфизма (языкового изменения), является важнейшим индикатором тенденций в рамках определённой языковой ситуации. Данный параметр направленности языкового развития обозначается как *метаглоссный* [Виноградов и др., 2008, с. 79]. Метаглоссный параметр взят за основу анализа тенденций развития немецкого литературного языка в исследуемом временном диапазоне. В соответствии с аспектами теории экзоглоссии выделены субпараметры:

1) *диафазный*: «характер развития» компонента языковой ситуации (ксенизация vs. архаизация);

2) *диастратические*: «генетика единиц подуровня» (импортированные / экзогlossные vs. автохтонные / эндогlossные), «вариативность языковых норм» (плюрицентризм vs. моноцентризм языковой системы / языкового идиома);

3) *диафункциональные*: «функциональный тип компонента языковой ситуации» (язык вертикали (язык-стандарт) vs. горизонтали, язык-донор vs. язык-реципиент), «модель языковой политики» (языковая демократия vs. языковой национализм), «объект языковой регуляции» (статус vs. корпус языка), «характер языковой политики» (пермиссивность / экзогlossная vs. рестриктивность / эндогlossная), «характер языкового планирования» (функциональный vs. нормативный)», «характер лингвоконсидерации» (статусный vs. корпусный), характер языковой критики (либеральный vs. пуристический), «характер кодификационных мер» (прогрессивный vs. ретроспективный).

Причинами экзогlossного развития литературного немецкого языка ФРГ выступают, во-первых, культурный конфликт Своего и Чужого, в котором собственное немецкое становится Чужим, а американское Своим; во-вторых, давление языка-донора, ведущее к подмене Своего Чужим, и, в-третьих, гомологичность немецкого литературного языка и американского варианта английского языка как компонентов языковой ситуации в ФРГ.

Результатом влияния престижных языков-доноров (экзогlossных влияний) являются *экзогlossные страты* как совокупность лексических единиц, заимствованных из неизменно одного языка-донора и сгруппированных в лексико-семантические группы в языке-реципиенте. Разнородность всех экзогlossных страт образует *полигlossию*, или «многоязычие» (*Mehrsprachigkeit*), системы немецкого литературного языка [v. Polenz, 2009, с. 135]. Причиной его ресурсной негомогенности является тенденция к алломорфии, являющаяся общей экзогlossной тенденцией исследуемого периода. Примером алломорфии в системе немецкого литературного языка исследуемого периода является различное прочтение буквы «с» в англо-американских заимствованиях (1 форма : 2 функции): [к] (*Comedy, Elastic*); [s] (*City, Reception*).

Развитие немецкого литературного языка происходит по схеме: *экзогlossия* → *дигlossия* → *полигlossия*, где экзогlossия обозначает функционирование системы немецкого литературного языка в период ксенизации (диафункциональный уровень), дигlossия – состояние системы в момент прироста экзогlossных средств (диафазный уровень), а полигlossия – характеристику немецкого языкового идиома после такого прироста (диастратический уровень).

Интегральными признаками экзогlossного развития немецкого литературного языка выступают: 1) многоуровневая (диастратическая, диафазная и диафункциональная) асимметрия интегрируемого и автохтонного языкового материала, 2) высокая степень цитируемости языка-донора в речи носителей немецкого литературного языка, 3) интерференция, вызванная заимствованными экзогlossными единицами в немецкой речи и ведущая к формированию стойкого коррелята нормы, 4) гибридизация как смешение материала контактирующих языков в системе языка-реципиента.

1. *Многоуровневая асимметрия интегрируемого и автохтонного лексического материала* является основным признаком экзогlossного характера развития немецкого литературного языка указанного периода и восходит к разной хронологической глубине культурных и языковых процессов контактирующих языков, а также заведомо неэквивалентному информационному обмену между ними.

Необходимо различать следующие основные уровни асимметрии языка-донора и языка-реципиента: диафункциональный, диастратический и диафазный.

Диафункциональная асимметрия выражается в несовпадении базовых механизмов порождения речи, используемых средств (конструкций), оперируемых языковых категорий, когнитивных стереотипов и т.д. Всё то, что определяет гумбольдтовскую «эманацию духа народа», составляет самобытность языка, и обуславливает генетическую асимметрию. Диафункциональной асимметрией считаем также несовпадение социальных функций контактирующих языков: статус экзогlossного компонента в языковой ситуации ФРГ как языка вертикали является залогом его социального престижа.

Стержневым моментом *диастратической асимметрии* можно считать расхождение функционально-стилистического и дискурсивного номиналов, наблюдаемое у заимствуемых и автохтонных языковых единиц. Диастратическую дифференциацию, во многом определяющую необходимость в заимствовании и в силу этого неотделимую от диафазной асимметрии, эксплицирующей различия заимствований разных периодов, можно проследить на примере ряда гетеролингвальных вариантов: *die Frau und ihr Liebhaber* (автохтонный вариант) $\neq$ *die Frau und ihr Ritter* (франц.) $\neq$ *die Frau und ihr Kavalier* (франц., итал.) $\neq$ *die Frau und ihr Gentleman* (англ.) $\neq$ *die Frau und ihr Boyfriend* (англ.) и т.п. Каждая из вариантных единиц, выделенных полужирным курсивом, помимо различий функционально-стилистического плана, несёт в себе информацию о *диафазных* особенностях экзогlossного материала, заимствованного в состав немецкого литературного языка в разные этапы его исторического развития. Диастратическая асимметрия является также следствием натуралистической интерпретации англоязычных единиц и сочетаний в результате загруженности переводчика, отсутствии возможности найти адекватный термин или его функциональный эквивалент. Так, на упаковках продуктов фармацевтической индустрии стал нормой способ перевода единицы «*care*» в сочетании «*intensive care*» сочетанием «*intensive Pflege*» вместо «*ausgeprägter Effekt, wirkungsintensiv*». Функционально-стилистическая асимметрия выражается здесь, во-первых, в разнице объёмов значений (<*care*> $\neq$ <*Effekt, Wirkung*>: уход ещё не означает выраженный эффект и исцеление), во-вторых, в различных стилистических функциях диастратических вариантов: англоамериканизмом «*intensive care*» изготовители стимулируют продаваемость товара при возможном отсутствии гарантии исцеления, в то время как немецкоязычное сочетание «*ausgeprägter Effekt*» указывает на фармакологические свойства препарата и помогает сориентироваться в выборе лекарственных средств определённой группы.

2. Вторым по значимости признаком экзогlossного характера развития можно считать *высокую степень цитируемости престижного языка-донора в речи носителей языка-реципиента*. Необходимо отметить, что степень цитируемости языка-донора эквивалентна степени пермиссивности системы языка-реципиента в определённой экзогlossной языковой ситуации. Среди наиболее частых симптомов повышенной цитируемости языка-донора в речи носителей языка-реципиента следует назвать следующие:

а) предпочтение в речи из двух вариантов – автохтонного и импортируемого – неизменно последнего, например:

«*Jeder vierte Bundespolizist leidet an **Burnout***» (нем.: *каждый четвёртый сотрудник МВД морально и физически истощён, страдает синдромом «профессионального выгорания»*) вместо «*Jeder vierte Bundespolizist ist **ausgebrannt***». (Spiegel. *Jeder vierte Bundespolizist leidet an Burnout.*);

б) так называемая «жадность до чужого» по Й.Г. Шоттелю («*Fremdgierigkeit*»), выражающаяся в увлечении всем иноязычным (экзоглоссным), к примеру:

«*Solange man sich innerhalb der unsäglichen «Visitenkarten-im-Netz»-Metapher oder der «Ihr-Firmenprospekt-für-drei-Mark-fünfzig-weltweit-abrufbar»-Metapher bewegt, wird man kaum bemerken, was man mit wohldröhnendem Broschürenjargon anrichtet – **business als usual**, sozusagen*». (KommDesign.de. *Wir ohne Sie: Warum PR-Phrasen schlecht sind*);

в) злоупотребление заимствованным материалом вплоть до образования новых единиц или новых значений, как минимум непонятных носителям языка-донора (псевдозаимствования), ср. единицы «*Rollout*» (англо-нем.: *выезд, появление на публике, демонстрация чего-то*) и «*toppen*» в расширенном значении <опережать>: «*Mercedes-Rollout: Mattsilbern in Valencia*» (Spiegel. *Formel 1: Mercedes verpflichtet Heidfeld als Testfahrer*); «*Schumacher **toppt** Rosenberg*» (Spiegel. *Schumacher toppt Rosenberg*).

3. Стойким признаком экзоглоссии является *интерферирующее влияние импортируемого языкового материала*, способное упрочиться в коррелят нормы, т.е. устойчивую систему отклонений от кодифицированных норм языка-реципиента. Интерференция наблюдается прежде всего в тех сферах языка, которые подвергаются наибольшему заимствованию, и затрагивает в основном явления, обнаруживающие определённое сходство (семантическое, фонетическое, структурное и пр.) в обоих контактирующих языках, к примеру, употребление международных терминов вместо привычных автохтонных или конвергентных вариантов последних, ср.: «*Killerwal*» вместо «*Mörderwal*», «*Lifestyle*» вместо «*Lebensstil*».

4. *Гибридизация*, известная также как «языковое смешение» (термин Х. Шухардта; цитата по Ч. Фёльдесу [Földes, 1999, с. 53]), представляет собой «совмещение материала языка-реципиента с цитацией языка-донора» [Мячинская, 2006]. Тенденция к универбации в немецком литературном языке ускоряет образование смешанных композитов: ср. «*Livesendung*», «*Reiseboom*», «*Powerfrau*», «*Werbespot*». Особенностью таких гибридов является их трансформативность, ср.: *Livesendung* ↔ *live senden*, *Powerfrau* ↔ *eine Frau mit Power*. Потребность в номинализации отдельных оборотов диктуется имманентным языковым механизмом компрессии содержания [Туманян, 1999, с. 87], а также стремлением конденсировать смысловую насыщенность в единицу времени [Николаева, 1996, с. 86]. Для достижения этого английский язык, например, имеет в своём арсенале конверсию и герундий, а немецкий язык образует композиты.

Гибридизация немецкого литературного языка может инициироваться также деятельностью субъектов языковой политики или обществ, обладающих показательной функцией нормообразования, ср. гибриды в современной немецкой рекламе: «*Organizer-Fach*», «*Farbdisplay*», «*United-Sondermodell*», «*Food-Lüge*»,

«*Outdoor-Uhr*», «*ICT-Kapazität*», «*Ich-bin-nicht-der-Typ-der-sich-gerne-bindet-Flat*». Цитация элемента Чужого через удержание исконной формы заимствованных единиц происходит, как правило, с целью исключить двусмысленность при переводе, создать местный колорит и, безусловно, в целях эффективности рекламы. Автохтонные средства немецкого языка при этом играют роль функционально-недифференцированных (базовых, нейтральных) единиц, а интерферирующие англо-американизмы – единиц языка вертикали, маркёров успешности, достатка и благосостояния, т.е. своего рода «украшений». Создаваемая разница (вследствие контактной асимметрии) очевидна: речь идёт, например, не просто о наручных часах (*Uhr*), а о часах для нахождения вне помещений (*outdoors*), в результате чего образуется детерминативный композит «*Outdoor-Uhr*». Авторитетность источника, например, телевизионного канала, лишь способствует скорейшему возведению продуктов подобного словотворчества в норму.

Необходимо подчеркнуть, что описанные признаки свидетельствуют также о факте ксенизации немецкого литературного языка. Гибридизация, как этап «сращения» экзогlossного и автохтонного языкового материала, является помимо прочего средством развития полигlossии системы немецкого литературного языка. Саму полигlossию, однако, можно диагностировать исключительно в эндогlossной фазе развития, так как в условиях экзогlossии создаётся иллюзия того, что для всех прежних заимствований, включая имена собственные, с разной степенью ассимиляции действительно прочтение в соответствии с произносительными нормами престижного языка-донора.

Экзогlossная фаза развития немецкого литературного языка представляет собой нарушение внутреннего равновесия, вызванное необходимостью в расширении языковых возможностей и достигаемое разбалансировкой устаревших неэффективных парадигм, т.е. создания в них вариантных (дополнительных) или вакантных (замещающих) звеньев в фазе экзогlossии. Эндогlossная фаза – восстановление нарушенного равновесия, требуемое для поддержания нормального функционирования системы немецкого литературного языка. Дополняя и сменяя друг друга, данные фазы развития немецкого литературного языка обеспечивают равновесие между его потребностью отразить (новые) внешние условия и сохранить свою форму.

Эндогlossная фаза достигается зачастую кодификационными мерами запретительного характера, которые являются выражением эндогlossной языковой политики. *Ретроспективная* (консервативная) кодификация опирается на состояние и употребление языка, характерное для прошлых периодов развития (эндогlossия). *Прогрессивная* кодификация реализуется через демократизацию литературных норм (экзогlossия). Для исторического развития немецкого литературного языка характерны оба типа кодификационных процессов: периоды строгости предписываемых норм неизбежно сменяются их относительной либерализацией либо острым дефицитом [Семенюк, 1996, с. 30].

Идеальным вектором развития немецкого литературного языка может быть равновесие между экзогlossной направленностью и стремлением сохранить языковое богатство, достигаемое умеренной (центричной) языковой политикой, которая должна строиться на принципе *сбалансированного* развития немецкого литературного языка как наддиалектной системы.

Во второй главе «Анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.: системная часть» проводится анализ системы немецкого литературного языка ФРГ периода 1945–2010 гг. в диахроническом и синхроническом аспектах. Выявляется диафаза американизации, раскрываются экзогlossные тенденции на всех уровнях языковой системы, выводится индекс экзогlossности отдельных лексико-семантических групп в соответствии с их принадлежностью к сферам словарного состава немецкого литературного языка.

Началом диафазы американизации (американской экзогlossии), т.е. зарождением тенденции к заимствованию англоамериканизмов, в истории немецкого литературного языка можно считать 1918 г., однако инвазивный характер заимствования англоамериканизмов в системе немецкого литературного языка наблюдается лишь с 1945 г. [Hoberg, 2000, с. 306]. В изучаемом временном диапазоне можно выделить два периода американизации: 1) 1945–1990 гг., до воссоединения Германии и 2) 1990–2010 гг., после присоединения к ФРГ «новых» 5,5 федеральных земель.

Дифференциация периодов обусловлена различным характером процесса заимствования и неравномерностью наполнения лексических сфер немецкой словарной системы.

1. Основными каналами распространения англо-американской лексики стали средства массовой информации и, в первую очередь, такой их эффективный инструмент, как реклама. Посредниками выступали в основном высокие слои обществ, учёные, представители творческой интеллигенции, чиновники. Посредством распространения английского как второго или третьего иностранного языка в системе среднего и специального образования ФРГ заимствование англоамериканизмов проходило без значимых изменений звуковой и графической оболочки исконных слов [v. Polenz, 2009, с. 139].

В. Фирек указывает среди наиболее инфильтрированных сфер лексического состава немецкого литературного языка первого периода американизации а) сферу науки и техники (*Container, Automation, Laser*), б) средств массовой информации (*Headline, News, Special*), в) экономики и финансов (*Controlling, Joint Venture, Trader*), г) моды (*Blazer, Look, Sweater*) и д) спорта (*Bodycheck, Qualifying, Play-off*) [Viereck, 1988, с. 941].

2. Второй период американизации немецкого литературного языка характеризуется не только более интенсивным заимствованием англо-американской лексики, но и большим охватом сфер её использования в речи. Согласно данным Д. Герберга наиболее подверженными американизации сферами немецкого словарного состава являются а) сфера компьютерных и Internet-технологий (*Hardware, klicken, E-Mail*), б) сфера средств массовой коммуникации (*Sitcom, Dailysoap* (тж.: *Daily Soap*), *Multiplexkino*), в) социальная сфера (*Carsharing, Skyline, Mobbing*), г) сфера спорта (*Bungeespringen, Inlineskating, walken*) и д) экономики (*E-Commerce, Globalplayer, Outsourcing*) [Herberg et al., 2002, с. 196–197].

К каналам распространения англоамериканизмов второго периода присоединяется также мировая компьютерная сеть Internet, что существенно ускоряет динамику их инфильтрации посредством охвата максимального количества пользователей. Internet-технологии выступают катализаторами процесса интернационализации англоязычных заимствований.

В качестве *общих тенденций* в рамках языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. установлены: 1) заимствование англоамериканизмов в состав немецкого литературного языка, 2) тенденция последнего к алломорфии, 3) преобладание именных частей речи (преимущественно имён существительных) над остальными в процессе заимствования.

Общей экзогlossной тенденцией первого периода американизации (1945–1990 гг.) выступает лояльность к языку-донору. Второй период американизации немецкого литературного языка (1990–2010 гг.) характеризуется общими тенденциями к а) апостериоризации как частному случаю гибридизации заимствованных и автохтонных единиц и б) подражанию речевым стереотипам американского варианта английского языка вследствие переводческого натурализма.

А. При *апостериоризации* язык-реципиент заимствует из языка-донора наиболее коммуникативно пригодные (эффективные) средства (*априорные образования* – термин наш) и создаёт на их основе собственные эффективные ресурсы (*апостериорные образования* – термин наш) для повышения их коммуникативной пригодности и чёткости. Согласно результатам исследования Д. Герберга априорные образования (эффективные средства) второго периода американизации составляют 40% от всех новообразований в немецком литературном языке ФРГ, апостериорные – 20% (эффективные ресурсы) [Herberg et al., 2004, с. XV]. Апостериоризация есть симптом потери «принципа обратимости» по В.В. Кабакчи [Кабакчи, 1998, с. 48], т.е. невозможности генетически соотнести образованную в языке-реципиенте единицу с системой языка-донора, из которой она должна быть заимствована. Создание собственных эффективных ресурсов из эффективных средств отдельного языка-донора свидетельствуют о его статусе языка-стандарта для развития языка-реципиента [Беликов, Крысин, 2001, с. 103].

Апостериорные образования в немецком литературном языке на основе заимствованного языкового материала англо-американского происхождения представлены шестью группами явлений: 1) *гибридными терминологическими образованиями*, 2) *псевдозаимствованиями*, 3) *заимствованными формами спряжения глаголов англоязычного происхождения*, 4) *псевдоапострофированием* и 5) *единицами, заимствованными ранее из романских языков, но переозвученными в соответствии с произносительными нормами (американского варианта) английского языка*, 6) *неосемантами*.

1. *Гибридные терминологические образования (Misch-, Hybridbildungen)* являются сложными составными единицами (композиатами), созданными для специальных целей и состоящими из гетерогенных основ (корней) экзогlossного и немецкого происхождения. Структурно-семантически они подразделяются на *копулятивные* (сочинительные) и *детерминативные* (подчинительные) композиаты.

Копулятивные терминологические гибриды (kopulative terminologische Mischkomposita) представляют собой редкую комбинацию равноправных компонентов английского и немецкого происхождения (1,66% от общего числа англоамериканизмов), например: «*Tuner-Recorder-Empfänger*» (*тюнер, магнитофон и приёмник в одном устройстве*).

Среди компонентов *детерминативных терминологических гибридов (attributive terminologische Mischkomposita)* различают главные (*Hauptwörter*) и второстепенные (*Bestimmungswörter*), к примеру: «*Color-Scheibe*» (*тонированное стекло*), «*Break-Even-Analyse*» (*анализ порога прибыли*), где компоненты «*Scheibe*» и «*Analyse*», выполняющие функцию гиперонимов (*genus proximum*), являются главными, а определяющие компоненты «*Color*» и «*Break-Even*», выступающие в функции гипонимов (*differentia specifica*), – второстепенными. По композиции элементов гибридных образований наиболее часто встречаются композиты следующих типов: 1) E+D (englisch+deutsch, ср: *Hot-Labor*, 36,17%), 2) E+E+D (englisch+englisch+deutsch, ср.: *Time-Sharing-Betrieb*, 20,22%), 3) D+E (deutsch+englisch, ср.: *Werbespot*, 24,72%), 4) D+D+E (deutsch+deutsch+englisch, ср.: *Freizeitjob*, 16,45%). Наименее частотны гибридные образования типа D+E+D (*Rumpel-Leed-Test*) или E+D+E (*H2-Rezeptorenblocker*) (в целом 2,44%).

Таблица 1

Детерминативная терминологическая гибридизация образца «немецкий vs. (американский) английский»

главный компонент		второстепенный компонент	
D	E	D ₁	E ₁
57,61%	42,39%	42,39%	57,61%
		(D+)D ₂	(E+)E ₂
		17,67%	21,44%

Количество детерминативных терминологических гибридов с немецкоязычным компонентом в функции главного элемента в немецком литературном языке составляет 57,61% единиц на соответственно 42,39% с англоязычным компонентом в указанной функции. Англоамериканизмы преобладают в равных пропорциях в качестве второстепенных элементов детерминативных гибридных композитов, среди которых элементов второго порядка (E₂) 21,44% (таб. 1).

2. Характерной экзогlossной тенденцией частного характера для языковой ситуации в ФРГ исследуемого периода является феномен *псевдозаимствования (Scheinentlehnungen, Scheinanglizismen, Pseudoanglizismen, anglisierende Bildungen)*, под которым понимается образование новых единиц или значений на основе ранее заимствованного материала языка-донора, причём дериваты непонятны, непопулярны или неизвестны в данном значении в самом языке-доноре, например: «*Twen*» (человек в возрасте от 20 до 30 лет по аналогии с «*Teen*»), «*Dressman*» (мужской манекен), «*Handy*» (сотовый телефон), «*Pullunder*» (свитер, надеваемый под одежду, ср. значение английских морфем «*over*» и «*under*» в словах «*Pullover*» и «*Pullunder*»), «*Longseller*» (товар, который медленно продаётся; ср. «*Bestseller*») и др.

3. *Заимствованные формы спряжения глаголов англоязычного происхождения (übernommene Konjugationsformen entlehnter englischer Verben)*. Зачастую перфектное причастие образуется у глаголов, ранее заимствованных из (американского варианта) английского языка, с суффиксом «-ed», ср.: *geprinted, gescanned, gedownloaded*, «*für meine Freundin bin ich total abgespaced*» (англо-нем.: «*моя подруга считает меня не от мира сего*»). В отдельных случаях суффикс «-ed» встречается у указанных глаголов в третьем лице единственного числа по аналогии с образованием перфектного причастия, ср.: *er printed*.

4. Под *псевдоапострофированием* (*Sächsischer Genitiv*) понимается использование апострофа по англоязычному образцу не для разделения единиц при словосложении, а для разделения флексии и основы: а) в генитиве: «*Goethe's Werke*», «*Oma's Geheimnis*»; б) во множественном числе у акронимов и единиц без мотивирующей основы (заимствований и единиц с неизвестным происхождением): «*DVD's*» (акроним), «*AGB's*» (акроним), «*Auto's*» (заимствование), «*Nudel'n*» (единица с неизвестным происхождением); в) с не именами существительными на «-s»: «*nicht's*», «*um's*».

5. Причинами *переозвучивания* (*Umlautung*), или собственно фонетического варьирования выступают явления многократности, т.е. наличие нескольких языков-источников, а также влияние престижных языков (языков-макропосредников) и их смена. *Переозвучивание в соответствии с англоязычными фонетическими нормами* характерно для интернационализмов, заимствованных в немецкий язык ранее главным образом из языков романской ветви: «*Jury*» [ʒy'ri:, тж.: 'zy:ri] (фр.) – «*Jury*» ['dʒy(ə)ri] (англ.), «*Budget*» [by'dʒe:] (фр.) – «*Budget*» [ˈbʌdʒɪt] (англ.). Переозвучивание характерно для ранее заимствованных акронимов, имеющих эндогlossную традицию прочтения: «*TV*»: [ti'vi:] вместо [te'fao], «*PR*»: [pi'aə] вместо [pe'ər], «*CD*»: [si'di:] вместо [tse'de:], «*DVD*» [divi'di:] вместо [de:vao'de:]. Тем не менее, на прочтение ряда акронимов распространяется тенденция к лояльности языку-донору: «*CNN*» [si en'en], «*CIA*» [si ai'ei], «*FBI*» [əf bi'ai].

Данная тенденция распространяется и на случаи инициальных сокращений имён собственных, полную форму которых говорящий затрудняется назвать или когда стоящий после сокращений оним является определённо единицей (американского варианта) английского языка: «*1831 bekam er die Chance, mit dem Forschungsschiff „HMS [eitʃ em es] Beagle“ (His / Her Majesty's Ship) zu reisen*». (DW. Darwins Revolution.)

Переозвучивание типично для случаев, когда установить, к какой именно культуре относится фамилия – немецкой, английской или американской, не представляется возможным: «*Karl May* [собственно: **kael'mai**, однако не исключено прочтение: ~'mei] *hat mit seinen Geschichten von den Wildwest-Helden Winnetou und Old Shatterhand die ganze Welt begeistert*». (DW. Karl May: Vom Kriminellen zum Erfolgsautor.)

Переозвучивание встречается также в гибридных композитах типа E+D или E+E+D, если немецкоязычный элемент «D» выражен интернационализмом, ср.: *Call-Option*, *Cash-Management-System*, где говорящий может произнести последний компонент аналогично норме прочтения первого или первых двух.

Сложные и фразеологические единицы экзогlossного происхождения также подвергаются переозвучиванию, если в их составе присутствуют мотивирующие морфемы, ср.: в афоризме «*No pasarán*» (исп.: «[Фашисты] не пройдут») «но» читается как [nou...].

Переозвучивание тесно связано с ассимиляцией и фонетической адаптацией (онемечиванием), которые могут служить как стилистическим средством для создания юмора и сатиры, так и прагматическим средством размежевания Своего и Чужого. Таким образом, переозвучивание не обязательно связано с озвучиванием

заимствований в соответствии с фонетическими нормами языка-донора (аллофонией), и, следовательно, не является исключительно экзогlossной тенденцией: «*Camping*» [ʼtsampɪŋ], «*Snobs*» [ʃnɒps] (иронично).

При диафазном сопоставлении эксплицируются множественные примеры субституции фонетических оболочек англоязычных заимствований. Так, некоторые англицизмы, заимствованные до тридцатых годов XX в., сохранили варианты онемеченного произношения по настоящее время [v. Polenz, 2009, с. 136]: «*Jazz*» [jats] (шутливое, диалектное); «*lynchen*» [ʼlynçən] (разговорное, устаревающее), вместо стандартного [ʼlɪntʃən]; «*USA*» [u:ʼsa:] (стандартное); «*k. o.*» [ka:ʼɔ:] (стандартное).

б. *Неосемантами* (*Neosemanten*) являются заимствованные ранее единицы, по разным причинам подвергшиеся ресемантизации или реэтимологизации, и заново переосмысленные языковым коллективом в условиях сложившейся языковой ситуации. Неосемантизация тесно связана с явлением деэтимологизации единиц, т.е. нарушением связи единицы и её этимона, затемнением первоначальной семантической структуры слова. Тенденция к неосемантизации относится к общеевропейской и маркирует интернациональные единицы, которые Р. Люр называет «европеизмами» (*Europäismen*) [Lühr, 2011, с. 168]. На фоне общей тенденции к интернационализации периферийной и дополнительной сфер словарного состава немецкого литературного языка ФРГ происходит переосмысление имеющихся интернационализмов, ср.: «*Krise*» (греч.: *krisis*, фр.: *crise*), ранее: <*entscheidende Wendung, Entscheidung*> (решающий поворот событий), сегодня: <*Verschlechterung der Lage, schwierige Situation*>, например: «*Krisen sind eine Gefahr für die Beziehung*». (Focus. Zehn Wege durch die Krise); «*Problem*» (лат.: *problema*), ранее: <*die gestellte wissenschaftliche Aufgabe, Streitfrage*>, сегодня: <*Schwierigkeit, Fehler, Nachteil, Aufgabe*>, например: «*Große Probleme haben beispielsweise Menschen, die sich unkontrolliert sonnen oder regelmäßig ins Solarium gehen*». (Die Welt. Wie Erwachsene unter Pickeln leiden.)

Б. Тенденция к подражанию экзогlossным коммуникативным нормам является следствием натуралистического перевода англоязычных единиц и сочетаний, транслируемых главным образом средствами массовой информации. Переводческий натурализм выступает особым каналом заимствования англоамериканизмов в немецкий литературный язык ФРГ и предполагает два типа искажения при семиозисе: а) формализованный, при котором оболочка слова является платформой заимствования; б) симметричный, при котором такой платформой выступает содержательный компонент слова (на одну единицу исходного текста – одна близкая по семантике единица целевого текста). В результате натуралистического перевода пользователи изменяют своё отношение к единицам собственного языка, предпочитая им «яркие» формулировки языка-донора, что находит выражение в заменах привычных обозначений более престижными англоамериканизмами (к данной категории явлений относятся также имена собственные), ср.: «*Liebst du mich? – Ja, ich tue*» по аналогии с: «*Do you love me?*» – «*Yes, I do*», вместо: «*Ja / Aber ja [doch]!*»; «*Nicht ich / Nicht Peter*», по аналогии с «*Not me / Not Peter*», вместо «*Ich nicht / Peter nicht*»; «*Bist du sicher, dass du mich abholen wirst?*», по аналогии с «*Are you sure you'll pick me up?*», вместо «*Wirst du mich wirklich abholen?*»; «*Warum setzen wir uns nicht?*» по аналогии с «*Why don't we take a seat?*», вместо «*Setzen wir uns doch!*».

Экzogлосными тенденциями частного характера в системе немецкого литературного языка являются следующие.

На фонетическом уровне: тенденция к переозвучиванию экzogлосных (ранее заимствованных) единиц в соответствии с произносительными нормами американского варианта английского языка (см. выше).

На морфосинтаксическом уровне зафиксированы 1) тенденция к колебанию грамматической формы заимствованных единиц и 2) тенденция к упрощению грамматической формы заимствованных единиц.

1. В практике преобладают случаи колебания двух родов; в основном это варианты имён существительных мужского и среднего рода, например: *Terminal der, реже das; Array das, реже der; Safe der, реже das*.

Менее частотно колебание женского и мужского / среднего родов: *Slang, der, реже die; Site die, реже der; Limit, die, реже das; Open-air, das, реже die; Mail die, реже das; Tram die, реже das*. Известны также случаи «трёхродовых» колебаний, ср.: *Couchpotato die, реже der, ещё реже das*.

Разрешение колебания в данных случаях происходит, как правило, согласно категориальному критерию (на основе семантических аналогий с другими группами слов): *die (Couch)potato – die Kartoffel*.

2. Тенденция к упрощению грамматической формы лексических единиц наблюдается вследствие перехода прежнего слова (диахронного варианта) к типу склонения, имеющему синхронно бóльшую устойчивость. Речь идёт о потере актуальности интернационализмов, заимствованных в состав немецкого языка в периоды латинизации или галлизации. П. Браун называет в качестве одной из причин отмирания словарных единиц появление «опасных конкурентов» («*gefährliche Konkurrenzwörter*») [Braun, 1993, с. 185], например: *der Reformator → Reformer, der Bankier → Banker*.

На графическом уровне наблюдается тенденция к недостаточной графической адаптации и неполному охвату орфографическими предписаниями всего спектра явлений. Выделены три подгруппы явлений, не охваченных нормативными предписаниями либо существующих параллельно с ними: а) ненормативное использование апострофа («*Goethe's Werke*», «*Oma's Geheimnis*», «*DVD's*», «*um's*»); б) ненормативное использование дефиса («*Haus-Nummer*», «*Gelb-Sand*»); в) использование знаков международной транскрипции («*Tsaplina*» вместо «*Zaplina*», «*Chernyshev*» вместо «*Tschernyschjow*»).

На лексико-семантическом уровне установлены тенденции к: 1) интернационализации заимствованной лексики англоязычного происхождения, 2) образованию гетеролингвальных вариантов, 3) универбации, 4) линейному сокращению лексических единиц, 5) деривации на основе суффигирования заимствованного морфемного материала англоязычного происхождения.

1. Тенденция к интернационализации выражается в лексическом заимствовании из американского варианта английского языка в ряд европейских языков и проистекающей из него интерференции лексико-семантического характера, ср.: *Kompetenz, Integration*. В немецком языке 75% из 3 500 заимствованных интернационализмов можно отнести в состав определённых лексико-тематических групп [Braun, 1993, с. 202].

2. Заимствование из гомологических языков приводит к образованию *гетеролингвальных омонимов*, представляющих собой парадигматические ряды лексических единиц со схожей графической или звуковой формой образца «немецкий vs. (американский) английский». Гетеролингвальная омонимия восходит к так называемой полиглоссности (ресурсной гетерогенности) немецкого языкового идиома и эксплицирует ряд экзогlossных влияний в его историческом развитии.

Гетеролингвальная омонимия образца «немецкий vs. (американский) английский» актуализирована двумя парами единиц из выделенных нами 12 рядов гетеролингвальных омонимов указанного образца в словарном корпусе справочника «*Duden. Deutsches Universalwörterbuch*» (2011), англоязычные элементы которых являются ассимилированными заимствованиями первого периода американизации, ср.:

der Bar (нем.: *многострофная песнь мейстерзингеров*) – *die Bar* (англ.: *бар*),
das Rad (англ.: *рад, единица облучения*) – *das Rad* (нем.: *велосипед*).

Адаптация англоамериканизма „*Thriller*“ (англ.: *триллер, детективный фильм с захватывающим сюжетом*) в фонетически более удобный [’trileɐ] в современной немецкой речи приводит к потере „h“ в графическом облике заимствования и к возникновению омонимии с автохтонной единицей „*Triller*“ (нем.: *трель*). При нивелировке гетеролингвальных фонетических особенностей омонимами (омографами и омофонами одновременно) выступают также пары рядов:

der Rock (нем.: *юбка*) – *der Rock* (англ.: *музыкальное направление*),
der Star (нем.: *скворец; катаракта*) – *der Star* (англ.: *знаменитость*).

Однако в контексте заимствования англо-американской лексики в немецкий литературный язык наиболее частым можно считать явление омографии, т.е. совпадения лишь графических оболочек отдельных заимствованных и собственных единиц, у которых разноязычное прочтение является условием сохранения целостности лексем:

der Model [’mɔ:dəl] (нем.: *узор*) – *das Model* [mɔdl] (англ.: *натурищица*),
der Tag [ta:k] (нем.: *день*) – *der Tag* [tæg] (англ.: *заключительная часть джазового произведения*).

3. Под тенденцией к универбации (*Univerbierung*) понимается образование многокомпонентных композитов из групп слов посредством словосложения через дефисное написание (*Durchkopplung*), к примеру: «*Blow-out-Preventer*», «*Party-Highlight*», «*City-Event*». Наряду с подавляющим большинством субстантивных композитов, появляющихся в общем словарном составе немецкого литературного языка под давлением профессиональной лексики (словарной периферии), образуются сложные глаголы путём универбации заимствованных англоязычных морфем: «*windsurfen*», «*webdesignen*», «*layouten*» [Braun, 1993, с. 168]. Продуктами универбации становятся также гибридные композиты, которые не обнаруживают устойчивых схем в написании: «*Bohr-Boom*», «*Mega-Party*», «*Umweltdesaster*», «*Stoppuhr*», «*Overhead-Projektor*», «*Peer-Review-Verfahren*».

Универбированные единицы представляют главным образом композиты детерминативного типа с невыраженными зависимостями относительно генетики главного и определяющего компонентов. Тенденция к универбации выявлена в категориях имени существительного и глагола.

4. В рамках тенденции к линейному сокращению лексических единиц можно выделить пять подгрупп явлений: а) акронимы (*Initialwörter*), б) инициальные (*Kopfwörter*), в) финальные (*Endwörter*), г) послоговые (*Silbenwörter*) сокращения и д) контаминации (*Klammerwörter*).

А. Образование акронимов является наиболее стойкой тенденцией в подгруппе сокращения. В зависимости от сферы лексического состава немецкого литературного языка индекс акронимизации может составлять от 1/7 (в ассимилированном составе) до $\approx 4/6$ (в слабо- или неассимилированном составе) общего словарного фонда. Возможно образование двух типов акронимов: 1) слогаобразующих, для которых типично слитное прочтение, например: «CAD» [kæd] (*computer-aided design*), «AIDS» [ˈeɪdz] (*acquired immunodeficiency syndrome*), вплоть до написания второй и последующих букв строчными, ср.: «Laser» [ˈleɪzə(ɐ)] (*light amplification by stimulated emission of radiation*); 2) парцелированных, например: «VIP» [vi: aɪˈpi:] (*very important person*), «HIV» [ha: iˈfao] (*human immunodeficiency virus*). Акронимы образуются также на основе звукопередачи, к примеру: «Jeep» [dʒi:p] (*general purpose*), «Hi-Fi» [ˈhaifi, также: haɪˈfaɪ] (*high fidelity*).

Б. Инициальное сокращение является словообразовательной моделью, при которой контур единицы усекается до предела, не нарушающего тождество слова, в инициальной части, например: «Pop(ular)», «Rock('n'Roll)», «Doc(tor)».

В. Финальные сокращения используют принцип, противоположный инициальным, ср.: «(Ro)bot».

Г. Послоговые сокращения образуются из инициальных слогов двух единиц, к примеру: «Moped» (*motor pedale*). Случаи сокращения более двух единиц не выявлены. Зафиксирована смешанная образовательная модель с элементами акронимизации и послогового сокращения, например: «Radar» (*radio detection and ranging*), «Spam» (*spiced pork and ham*).

Д. Контаминациями являются образования из инициальной морфемы одной единицы и финальной морфемы другой, ср.: «Motel» (*motor hotel*), «Botel» (*boat hotel*).

5. Деривация на основе суффицирования заимствованного морфемного материала англоязычного происхождения является относительно устойчивой экзогlossной тенденцией словообразовательного уровня. Наиболее продуктивными суффиксами выступают в категории имени существительного: -ness: *Wellness, Coolness*; -ing: *Planking, Teabowing*; -er: *Topper, Beamer*; -i(e)/y: *Girlie, Mary*. Суффикс «-ness» обнаруживает синхронно такую же зависимость, как и утративший продуктивность суффикс «-nis»: он разделяет существительные среднего и женского родов по категориальному признаку (на основе семантических аналогий): *die Fairness (die Redlichkeit) / das Business (das Geschäft)*, ср.: *die Besorgnis (die Sorge) / das Zeugnis (das Gutachten)*. В категории имени прилагательного наиболее продуктивен суффикс: -y: *pinky, homy, sporty, tawny*. Продуктивным является механизм адноминальной деривации глаголов с нулевым суффиксом, ср.: «*faxen*», «*posten*», «*mailen*» [Schmidt, 2004, с. 184].

Выведение индекса экзогlossности в различных лексико-семантических группах системы немецкого литературного языка периода американизации позволяет диагностировать диаморфизм в периферийной и изоморфизм в дополнительной и базисной сферах словарного состава. Критерием принадлежности лексико-семантических групп к сферам лексико-семантической системы немецкого

литературного языка выступает степень ассимиляции лексических единиц [Munske, 1983, с. 567], а также возраст лексического состава [Nübling, 2010, с. 140]: чем старше единица, тем более она освоена в языковой системе. Базисная лексическая сфера (*Erbwortschatz*) представлена исконным (эндемическим) составом лексики; к данной сфере М. Бессе относит «лексику виноградарей и виноделия» [Besse, 2002, с. 2]. Дополнительная лексическая сфера (*Lehnwortschatz*) включает ассимилированный заимствованный состав с высоким процентом содержания интернационализмов [Nübling, 2010, с. 141], что также подтверждает Л.Л. Нелюбин, определяя последние как «единицы общего происхождения, существующих во многих языках с одним и тем же значением, обычно оформляемых в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами данного языка и являющихся главным образом терминами из области науки и техники» [Нелюбин, 2003, с. 64]. Дополнительную лексическую сферу традиционно представляет лексико-семантическая группа «медицинская лексика» [Wiese, 1984, с. 64]. В периферийную лексическую сферу (*Fremdwortschatz*) входят лексико-семантические группы со слабо- либо неассимилированным заимствованным составом, к которым О. Штеншке относит «лексику сети Internet» [Stenschke, 2006, 52–53]. Наиболее выраженные экзогlossные тенденции наблюдаются в периферийной сфере немецкого литературного языка периода американизации (0,635), в то время как в дополнительной и базисной сферах зафиксированы соответственно умеренные (0,024) и слабые (0,001) тенденции к экзогlossии (таб. 2).

Таблица 2

*Степень действия экзогlossных тенденций
в системе немецкого литературного языка*

Сфера	ЛСГ	I _{экз}
<i>периферийная</i>	<i>лексика сети Internet</i>	0,635
<i>дополнительная</i>	<i>медицинская лексика</i>	0,024
<i>базисная</i>	<i>лексика виноградарей и виноделия</i>	0,001

Выведен коэффициент продуктивности начальных букв: в ядерной сфере немецкого словарного состава наиболее частотны англоамериканские заимствования на В, С, S, Т; в резервной сфере продуктивными начальными буквами являются А, Н, М, Z; в периферийной сфере – А, В, S. Наиболее продуктивными являются начальные буквы с коэффициентом > 10%: **А** (10,66%), **С** (10,03%), **Н** (13,61%). Среднепродуктивные (с коэффициентом > 5%) буквы: **В** (8,12%), **Н** (7,89%), **М** (8,57%), **S** (9,32%). Низкопродуктивные (с коэффициентом > 1%): **G** (0,74%), **J** (0,77%), **O** (0,72%), **Q** (0,45%), **X** (0,48%), **Y** (0,38%).

На прагматическом уровне выявлены тенденции 1) в категории грамматического дейксиса и 2) к появлению модных слов.

1. Экзогlossные тенденции в категории грамматического дейксиса определяют так называемую «нестандартность» строения предложений немецкого литературного языка [Анохина, 1999, с. 224]. Эти тенденции реализуются, например, через замену определенного артикля притяжательным местоимением или добавление модального глагола по аналогии с английскими образцами, ср. «*Mach deine Augen auf!*» по аналогии с «*Open your eyes!*», вместо «*Mach die Augen auf!*»; «*Kannst du uns sehen / hören?*» по аналогии с «*Can you see / hear us?*», вместо «*Siehst / Hörst du uns?*».

2. Появление «модных слов» и замены ими конвенциональных лексических единиц (переозначивание) является прямым следствием общей экзогlossной тенденции к апостериоризации, т.е. созданию собственных эффективных ресурсов на основе заимствованного экзогlossного материала, и эксплицирует коммуникативную стратегию, при которой новым обозначением указывается на престиж языка-донора и предпочтение экзогlossных единиц эндогlossным, ср.: «*Nightliner*» вместо «*Nachtbus*», «*Musikbox*» вместо «*Spieluhr*», «*Loser*» вместо «*Versager*».

Переозначивание примыкает к словообразовательной тенденции к сокращению или инициализации онимов (имён собственных) или апеллятивов в функции онимов и выражается в подмене означающего единицей интернационального уровня зачастую со схожим звучанием. Сокращение имён собственных на англосаксонский манер осуществляется также через диминуацию (добавление суффикса «-у») или подмену онима морфологически схожим или родственным диминутивом) и служит средством создания юмора и сатиры, ср. цитату из анекдота про юного И.В. ф. Гёте:

«Also, **Johnny Wolf** (вместо «*Johann Wolfgang*») *Goethe zieht sich zum Überlegen kurz zurück und gibt sodann zum Besten: ...*».

Частотные немецкие имена «*Michael*», «*Maria*» и «*Barbara*» заменяются при обращении на диминутивы «*Mike*», «*Mary*» и «*Barby*». Количественному сокращению подвергаются не только первые имена, но и фамилии, причём как эндемические, так и иностранные, к примеру: «*Jogi*» вместо «*Joachim*» (*Löw*), «*Gorbi*» вместо «*Gorbatschow*».

Наиболее эксплицитной экзогlossной тенденцией в области фразеологии выступает, на наш взгляд, интренационализация фразеологических единиц и оборотов, ведущая к образованию интерфразеологизмов, например: «*die Schönheit ist / liegt im Auge des Betrachters*» по аналогии с «*the beauty is in the eye of the beholder*».

Третья глава «**Анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг.: функциональная часть**» включает анализ функциональных подсистем немецкого литературного языка ФРГ 1945–2010 гг. и социолингвистических особенностей его функционирования как компонента языковой ситуации указанного периода (диафункциональный анализ).

Экзогlossными тенденциями *частного* характера на уровне функционирования немецкого литературного языка являются следующие.

В официально-деловом функциональном стиле и стиле науки наблюдается тенденция к терминологизации заимствованных англоамериканизмов, т.е. приобретению ими терминологической функции для нужд специальной и общеупотребительной терминологии:

(1) «*Lagern sich mehrere dieser Moleküle im so genannten kooperativen Self-Assembling zusammen, wird eine Quartärstruktur ausgebildet und es entstehen hochfunktionale Supermoleküle*» (Kesel A.B. Bionik).

(2) «*Herr Heuer wies außerdem darauf hin, dass im gerade begonnenen Jahr der Informatik die HEP ihre Beiträge, z.B. aktuell im **GRID Computing**, einbringen sollte*» (Т. Behnke. Protokoll der Sitzung des Komitees für Elementarteilchenphysik).

В функциональном стиле публицистики и прессы установлена тенденция к использованию англоязычных единиц с целью 1) рационального и 2) эмоционального воздействия на реципиента.

1. К первой группе относятся случаи введения англоамериканизмов в публицистические тексты немецкого литературного языка в качестве а) социальных жаргонизмов, б) синонимов к существующим автохтонным обозначениям, в) неологизмов, г) окказионализмов и *ad-hoc*-образований, д) терминов, профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, е) антропонимических и этнографических ксенонимов и ж) так называемых «модных слов»:

(а) «*Wir können zum Beispiel eindeutig zeigen, dass **Cybermobbing**, gerade wenn sie Videos, oder Fotos, die andere in peinlichen und unangenehmen Situationen zeigen oder auch Verprügelungsszenen, dass es so eine Art auch Trophäenjagd ist unter den Jugendlichen*» (DW. Cybermobbing – der Internetterror an Schulen).

(б) «*Schreibtisch-Superrechner, die ihre Kraft aus Grafikkarten schöpfen, sollen dagegen schon für unter 10.000 Dollar angeboten werden, trotzdem viel mehr Leistung bieten als der Cray-PC... Die von nVidia angekündigten **Desktop-Supercomputer** aber werden noch weit über solchen Werten liegen*» (Spiegel. Hochleistungsrechner: Desktop-Supercomputer aus Grafikkarten).

(в) «*In einem neuen Ausstellungsbereich, der „iZone“, wird die IFA App-Entwicklern und Herstellern Raum bieten. Allerdings ist der iPhone- und Computer-Hersteller Apple selbst nicht anwesend. Für **E-Book**-Lesegeräte und das iPad ist der Sonderbereich „eLibrary“ reserviert*» (FAZ. Flachbild auf der IFA: Abschied vom Röhrenfernseher).

(г) «*Sebastian Vettel hat es geschafft. Der **Red-Bull-Pilot** ist zum zweiten Mal Weltmeister in der Formel 1*» (Hamburger Abendblatt. Formel 1 im Live-Ticker: Sebastian Vettel verteidigt seinen WM-Titel).

(д) «*Flops sind eine zentrale Maßeinheit der Branche und geben die Anzahl der Rechenoperationen in einer Sekunde an*» (FAZ. IBM: Das Superhirn aus der Maschine).

(е) «*Schlechte Laune an der Börse von New York: Die Kurse an der **Wall Street** brachen am Mittwoch kräftig ein*» (Spiegel. Wall Street: Dow Jones stürzt nach Obama-Sieg ab).

(ж) «*Doch bei allem **Hype** um die zehnte Teilnahme an einem Europokalfinale richteten die Spieler den Blick auf das Wesentliche*» (Focus. Champions League: „Wir haben einen Traum. Träumt ihn mit uns!“).

2. Зафиксированы три варианта англоязычных единиц, оказывающих определённое эмоциональное воздействие на реципиента: а) тропы, б) эпитеты и в) перифразы. Все выделенные варианты относятся к *средствам замещения* как приёмам стилистической выразительности, возникшим на основе вторичной номинации:

(а) «*Im Prinzip könnte man sich mit der Vado HD wirklich als Hobbyregisseur einer **Daily Soap** (метафора) versuchen*» (Focus. Creative Vado HD: Auf Knopfdruck zum Daily-Soap-Regisseur).

(б) «*Der besondere Clou der Figur wäre, dass er im Alltag, schlagfertig, lustig und ein bisschen tollpatschig ist, aber wenn er unter Druck gerät oder in eine emotional schwierige Situation kommt, dann ist er unglaublich **tough** und **straight***» (Pastewka. Der Kommissar / Comedy-Sketch auf Sat.1).

(в) «*In einer am Samstag im Fernsehen übertragenen Rede warnte Lukas Papademos: „Wir sind nur einen Atemzug vom **Ground Zero** entfernt“. Der Regierungschef malt das Menetekel an die Wand*» (Frankfurter Rundschau. Lukas Papademos: „Griechenland steht am Ground Zero“).

В разговорно-обиходном функциональном стиле зафиксированы тенденции к 1) искажению исходной формы англоязычных заимствований и 2) использованию англоамериканизмов в функции социальных жаргонизмов.

В разговорно-обиходной речи экзогlossная лексика подвержена наибольшей деформации. Это вызвано тем обстоятельством, что динамичней всего языковые изменения происходят традиционно в данном пласте лексики. Некоторые заимствования англо-американского происхождения в разговорно-обиходном функциональном стиле известны в достаточно искажённой форме (*in zerredeter Form*) и значении, ср.:

(1) «*Martin Ruppman: Für Männer ist es wichtig, dass die Produkte technisch gut **händelbar** sind*» (DW. Auch Männer wollen schön sein), где «*händelbar*» (*могущий быть использованным в каких-либо целях, адаптированный к чему-либо*) происходит от «*handle*» (англ.: *торговать с рук, обращаться, обрабатывать, регулировать*).

Социальные жаргонизмы имеют выраженную маркерную функцию и реализуют потребность говорящего «покрасоваться», экспонировать свою принадлежность к определённым (зачастую высоким) слоям населения. В речи носителей немецкого литературного языка ФРГ исследуемого периода это достигается посредством вкрапления в речь англоязычных заимствований, например:

(2) «*Wenn man das ein-, zweimal gemacht hat, dann entwickelt man irgendwie auch so 'ne Energie, man merkt so 'n **Spirit**...*» (DW. Planking – hinlegen, um aufzufallen).

В художественном функциональном стиле выявлены тенденции к маркировке 1) экзогlossного регистра с целью разделения линий сюжета и 2) инокультурных реалий главным образом через использование англоязычных варваризмов и экзотизмов, ср.:

(1) «*Als der Portier die Haustür aufschließt, rauscht die Maestra in die **hall**, noch im Morgenrock*». (Rehmann R. Abschied von der Meisterklasse).

Исходя из контекстов, в которых употребляется ксенизм «*hall*», выступающий конвергентным вариантом немецкого «*die Halle*», героиня ассоциирует с ним торжественную атмосферу холла для прослушиваний, в котором расположен белый рояль. Ассоциативами англоамериканизма являются «праздничность» (*Feierlichkeit*), «торжественность» (*Festlichkeit*), «ощущение себя музыкантом» (*ich als Musikantin*), «присутствие публики» (*Publikumsanwesenheit*), «творческая эманация» (*schöpferische Entfaltung*), противопоставленные «обыденности», «будничности» (*Alltäglichkeit*), «вялости, безынициативности» (*Lustlosigkeit*), «замкнутости» (*Zurückgezogenheit*), «репетициям, доходящим до слёз» (*bis zu den Tränen andauernde Klavierübungen*).

(2) «*Ihr deutscher Freund hatte schon eine gute Stelle, und als er später eine **Greencard** bekam, heiratete sie ihn*». (Dische I. Großmutter packt aus).

Тенденция к маркировке инокультурных реалий прослеживается и в речи героини романа, немецкой эмигрантки в США, жизнь которой буквально разделена на немецкую и американскую части. В речи Элизабет Ротер англоязычные вкрапления служат средством разделения немецкоязычной (эмигрантской) и англоязычной реальности, а также средством создания местного колорита. Так, фразой «*What beautiful flowers you have brought!*» рассказчица демонстрирует свои познания американского варианта английского языка в общении со знакомыми-билингвами.

Коэффициент плотности лексической инвазивности в проанализированном корпусе текстов общим объёмом 15 145 условных страниц равен 0,401 (таб. 3), что составляет в среднем более двух заимствованных единиц англоязычного происхождения на страницу текста (2,647). Диаморфизм зарегистрирован в текстах стиля публицистики и прессы (0,663), а также разговорно-обиходного стиля (0,685), выступающих главными каналами лексической инвазивности в немецкой литературной речи.

Таблица 3

*Плотность лексической и грамматической инвазивности
в текстах немецкой литературной речи*

стиль	кол-во стр.	кол-во АА	коэффициент лексической инвазивности	кол-во грамматических конструкций	коэффициент грамматической инвазивности
<i>художественный</i>	3 563	742	0,208	49	0,013
<i>научный</i>	2 190	771	0,352	63	0,028
<i>публицистики и прессы</i>	4 487	2 976	0,663	98	0,021
<i>официально-деловой</i>	1 089	109	0,1	42	0,038
<i>разговорно-обиходный</i>	3 816	2 614	0,685	74	0,012
итого / в среднем	15 145	7 212	0,401	326	0,022

Плотность грамматической инвазивности индексируется коэффициентом 0,022, что равно одной англоязычной грамматической конструкции приблизительно на 46 страниц немецкого текста. Грамматически наиболее инвазивными выступают тексты научного (0,028) и официально-делового стилей (0,038), что, на наш взгляд, обусловлено большей интернационализацией данных стилей и их тесной связью с практикой перевода. В научной сфере соблюдение таких критериев перевода, как адекватность и эквивалентность, продиктовано необходимостью равнозначной реализации коммуникативного намерения автора англоязычного научного текста, что побуждает переводчиков к дословному и нередко натуралистическому переводу грамматических конструкций. В профессионально-деловой среде адекватный и эквивалентный перевод сопряжён с юридическими последствиями для всех участников коммуникации, которые могут быть представителями разных культур, поэтому здесь в большей степени допускается заимствование грамматических конструкций с целью нивелировки грамматических трудностей и во избежание разночтений.

Диафункциональный анализ языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. выявил низкую степень внимания языку (лингвоконсидерации), демократизацию и как следствие плюрицентризм языковой политики, функциональное языковое планирование, направленное на изменение норм немецкого литературного языка, и пермиссивный тип кодификации. Политику установления английского первым иностранным языком повсеместно в ФРГ ведут представители властных структур, политики, шоумены, равно как и те, кто считает себя космополитом, выстраивая тем самым *вертикаль* для американского варианта английского как престижного языка и *горизонталь* для немецкого как непрестижного (местного) языка. Согласно Б. Хайне вертикаль характеризует определённый язык межэтнического общения («*vertical medium*»), с которым ассоциируется продвижение вверх; горизонталь отражает спонтанное использование местного (родного) языка («*horizontal medium*») в обиходных условиях для обеспечения социального единства и солидарности [Heine, 1992, с. 23–25].

Весьма отчётливо вертикаль американского варианта английского языка прослеживается в системе высшего образования ФРГ. Иностранные студенты и делегации исходят из того, что знания английского языка в ФРГ будет достаточно, так как в немецких университетах давно стало нормой то, что преподаватели-немцы читают студентам-немцам лекции на английском языке по наукам естественного и социально-экономического циклов. Вузы с экономикой в качестве профилирующего предмета, а также так называемые «финансовые школы» практически полностью перешли на английский язык. Ш. Кляйн подчёркивает, что в 250 направлениях из 1 976 существующих в немецком высшем образовании английский – единственный язык преподавания [Klein, 2007, с. 35]. Г. Шмидт констатирует в своей книге «Глобализация» («*Globalisierung*», 2006), что «в немецких университетах даже такие «исконно немецкие» дисциплины, как биогенетика и авионика, преподаются и сдаются исключительно на английском языке» [Schmidt, 2006, с. 38].

Ежегодно немецкий как язык науки теряет приверженцев не только за рубежом, но и в самой ФРГ. Многие немецкие научные журналы окончательно перешли на английский язык под «давлением рейтингов» и «страхом быть вычеркнутыми из библиотечных каталогов за отсутствием читающей аудитории» [Zimmer, 1996]. На английском языке стали проводиться почти все научные конференции в ФРГ и даже конференции по германистике. Немецкий числится как один из «рабочих языков» и стоит в лучшем случае на втором месте после английского. Между тем, как отмечает Ш. Кляйн, «английский язык на научных конференциях в ФРГ – зачастую проформа, так как никто из присутствующих не говорит на нём как на родном языке, при этом большинство участников составляют немцы» [Klein, 2007, там же].

Характерной социолингвистической особенностью языковой ситуации в ФРГ 1945–2010 гг. является *демократизация литературных норм немецкого языка* как следствие, во-первых, абсолютного отождествления фактической политики государства и языка политики в ключе демократизации немецкого общества после окончания второй мировой войны и, во-вторых, установления языковых норм представителями нелингвистических профессий. Так как принципом языковой демократии выступает *предпочтение интересов личности перед интересами языкового коллектива* [Кузнецов, 2001, с. 308], при языковой демократизации в ФРГ допускается участие в кодификации любого индивидуума языкового коллектива.

В этом случае всякий, кто получает доступ к каналам массовой информации, может стать законодателем новой моды в языке – явление, определяемое нами как злоупотребление *показательной функцией нормообразования*. В числе наиболее подверженных данной тенденции телевизионных каналов ФРГ следует назвать «*ProSieben*», среди печатных изданий – немецкоязычные версии «*Cosmopolitan*» и «*Mens' Health*».

Языковая политика ФРГ второго этапа американизации (1990–2010 гг.) представлена деятельностью 19 языковых обществ (*Sprachvereine*), 2 языковых фондов (*Sprachstiftungen*) и 3 бюджетных языковых институтов (*staatlich geförderte Sprachinstitutionen*). Меры языковой регуляции данных субъектов языковой политики существенно отличаются друг от друга: ср., к примеру, пермиссивность редакции словаря DUDEN и пуристические памфлеты «Союза немецкого языка» (*Verein deutsche Sprache, VDS*), созданного в 1997 г. в Дортмунде под руководством профессора В. Кремера специально для борьбы с тенденциями американизации в языковой ситуации в ФРГ. В деятельность союза входит также ежегодное объявление общественных деятелей ФРГ, отличившихся англоязычным словотворчеством в номинации «*Sprachpanscher des Jahres*» (нем.: *враг языка*, буквально: «*смеситель*» языка, от глагола «*panschen*»: *подмешивать, разбавлять водой вино, молоко, бензин и т.п.*).

Языковая политика ФРГ стоит перед необходимостью разрешения следующего противоречия. С одной стороны, средства массовой информации и общественные институты стимулируют использование единиц американского варианта английского как языка-макропосредника, что приводит к снижению статуса немецкого литературного языка в ФРГ, непопулярности единиц его корпуса, а также к пермиссивности кодификации. С другой стороны, наблюдается дефицит кодификационных предписаний ввиду ряда назревших проблем: необходимости рекомендации / нерекommendации использования англо-американской лексики субъектами, имеющими показательную функцию нормообразования; необходимости отхода от функционального типа языкового планирования и лингвополитической модели языковой демократии; необходимости усиления ретроспективных и рестриктивных тенденций в языковой политике на основе преимущественно корпусной лингвоконсидерации.

Как реакцию на сложившееся противоречие можно наблюдать следующую картину в языковой политике ФРГ обоих периодов американизации: пожилые люди высказываются за националистическую модель, подчёркивая преимущества эндогlossного состояния языка, а молодые люди предпочитают модель языковой демократии, позволяющую более непринуждённо использовать доступные языковые единицы и беспрепятственно привлекать средства из престижного языка-донора.

В четвёртой главе диссертации «**Регулирование немецкого литературного языка в рамках экзогlossной языковой ситуации**» раскрываются принципы и описываются модели немецкой языковой политики, анализируются актуальные лингвоэкологические сценарии регулирования немецкого литературного языка в рамках экзогlossной языковой ситуации в ФРГ, предлагается экзо-эндогlossная (центричная) модель функционирования немецкого литературного языка в соответствии с аспектами теории экзогlossии.

Инструментами регуляции немецкого литературного языка выступают а) лингвоконсидерация и её артикуляторы ортология и языковая критика, б) языковая политика и в) языковое планирование с присущими им временными акцентами (лингвоконсидерация → прошлое, языковая политика → настоящее, языковое планирование → будущее). В соответствии с объектом воздействия инструменты регуляции подразделяются на корпусный и статусный типы.

Рисунок 1

Шкала принципов языковой политики

Левая часть шкалы принципов языковой политики (рис. 1) имплицитно подразумевает изменение в рамках языкового планирования, правая – сохранение и соблюдение языковых традиций, инструментом которого является лингвоконсидерация. Компромисс между правым и левым полюсами обозначается лингвополитическим центризмом. Ультраправая лингвополитическая модель ассоциируется с моноцентризмом языковой политики, ультралевая – с полицентризмом. Эндогlossный вектор языкового развития усиливает консолидацию языковых разновидностей и единообразия кодификационных мер (ср. роль перевода Библии М. Лютером для консолидации немецких диалектов), а экзогlossный вектор – языковую вариативность на всех уровнях и лингвополитический плюрицентризм.

Развитие системы немецкого литературного языка напоминает маятник (отсюда необходимость выделения крайних точек амплитуды языкового изменения), где удаление от центра (позиции И.В. фон Гёте) в определённую сторону прямо пропорционально ожидаемой компенсации развития в противоположном направлении. Периоды ксенизации в истории немецкого языка представляются стадиями «возбуждения», «стремлениями» развиваться далее с целью сохранения коммуникативной пригодности используемых ресурсов. Все эти «стремления» сопровождаются языковыми изменениями, что оправдывает саму суть развития. Эволюции языков как феномену антропологической коэволюции присущ тот же принцип развития, что и человеку: развитие Своего происходит посредством интериоризации эффективного Чужого.

Падение статуса немецкого литературного языка в образовательной и научной сферах ставит субъектов языковой политики ФРГ перед необходимостью корректировки регуляции главного экспонента языковой ситуации. Адекватной моделью языковой политики может стать умеренно-националистическая, предполагающая умеренно-эндогlossный характер функционирования немецкого литературного языка в рамках экзогlossной языковой ситуации. Усиление языковой критики как артикулятора лингвоконсидерации языковой ситуации в ФРГ в 90-е и 2000-е годы способствует нормализации кодификационных процессов, характеризующихся крайней неравномерностью в истории немецкого языка [Семенюк, 1996, с. 40–44], а также более тесному взаимодействию лингвоконсидерации и языкового планирования, результатом чего становятся лингвоэкологические сценарии регулирования немецкого литературного языка.

Центризм в языковой политике ФРГ может выступать тем лингвоэкологическим сценарием, который обеспечивает баланс между социальной обусловленностью и имманентными (внутренними) импульсами развития немецкого литературного языка. Важнейшей предпосылкой создания экзо-эндогlossной (центричной) модели языковой политики является осознанное пользование средствами экзогlossного компонента языковой ситуации в ФРГ, готовность к сохранению Своего и лояльности к Чужому. Лингвополитическим принципом центричной модели выступает относительный баланс между экзогlossным и эндогlossным полюсами. Диафазный центризм предполагает диглоссию при дублировании импортируемых средств, а также парцелляцию экзо- и эндогlossных регистров. Основным критерием диастратического центризма выступает баланс диа- и изоморфного функционирования регулируемого языка. В диафункциональном аспекте центризм эксплицируется в дополнительном (аддитивном) билингвизме с языком вертикали.

Как лингвоэкологический сценарий центричная модель является результатом языкового планирования, эффективность которого достигается наилучшим образом на административном и научном уровнях. В отношении регуляции *корпуса немецкого литературного языка* центральными моментами административного языкового планирования можно считать: возможность единообразия кодификационных требований для англоязычных заимствований в частности с целью упразднения избыточной графической вариативности (усиление письменной нормы фиксации ксенолексики способствует снижению цитационных вкраплений и случаев манипуляции заимствованным англоязычным материалом средствами массовой информации); возможность кодификации продуктивных механизмов апостериорной деривации на основе заимствованного материала американского варианта английского языка. В научном плане регуляция корпуса немецкого литературного языка предполагает: введение параллельных тезаурусов для наиболее инфильтрированных сфер (компьютерных и *Internet*-технологий, экономики и др.); единообразии научной терминологии через частичную германизацию заимствованных терминов (при содействии признанных учёных в соответствующих областях). Стержневыми моментами административного языкового планирования *статуса немецкого литературного языка* являются: поддержание статуса немецкого языка как рабочего на международных

мероприятиях любого уровня, проводимых в Европе, не ниже статуса английского языка; возможность создания европейского индекса цитируемости, исключающего дискриминацию по лингвистическому признаку (т.е. для публикаций на любом языке); учреждение единого совета с функцией главного субъекта немецкой языковой политики. В научном плане регуляция статуса немецкого языка предусматривает: продолжение практики защит дипломов и диссертаций, выполненных на территории немецкоговорящих стран, на немецком языке; возможность учреждения немецкоязычного журнала для нужд зарубежной германистики.

В **заключении** подводятся итоги проведённого исследования, намечаются направления возможных дальнейших изысканий.

Стержневым моментом теории экзоглоссии выступает концепция «маятника», предполагающая компенсацию отклонений языковой системы в направлении определённого полюса: степень ксенизации (интеграции Чужого) соответствует степени последующей архаизации системы языка-реципиента (сохранению Своего) и наоборот. Историческое развитие немецкого литературного языка как динамично ксенизирующейся языковой системы подчинено преимущественно экзоглоссному вектору развития, в то время как фазы эндоглоссии можно рассматривать как «периоды выравнивания». Экзоглоссные фазы в его исторической канве являются выражением природных (имманентных) импульсов, вызывающих изменения, в то время как эндоглоссные периоды отличаются искусственностью (в силу повышения внимания к языку и усиления мер языковой регуляции).

Как выявил анализ индекса экзоглоссности различных лексико-семантических групп системы немецкого литературного языка периода американизации, наиболее подверженными изменению являются периферийные слои его системы (степень диаморфизма = 0,635), в то время как в дополнительной (0,024) и базисной (0,001) сферах установлена тенденция к изоморфизму. Наиболее инфильтрированными сферами лексического состава немецкого литературного языка обоих периодов американизации являются: сфера науки и техники, компьютерных и Internet-технологий, средств массовой информации, экономики и финансов, моды, спорта и социальная сфера. Основными каналами лексической ивазивности выступают тексты стиля публицистики и прессы (0,663), а также разговорно-обиходного стиля (0,685). Частотность заимствования лексического материала американского варианта английского языка составляет в среднем более двух единиц на страницу немецкого текста, а вкрапления грамматических конструкций – 1:46.

Очевидно, что на смену экзоглоссным тенденциям в развитии немецкого литературного языка придёт эндоглоссная фаза, выражением которой станет умеренно-националистическая модель языковой политики ФРГ, о чём уже сегодня свидетельствует повышенное внимание к языку. Разделение языков по сферам влияния как следствие их экзо- и полиглоссности должно выступить тем положительным фактором, который сыграет важную роль в поднятии статуса немецкого литературного языка в ФРГ и за её пределами. По мнению Б. Обамы, «страна, которая в XXI веке станет мировым лидером в производстве чистой

энергии, будет и лидером глобальной экономики XXI века» [Обама, 2009, с. 5], а государственный язык данной страны станет мировым языком-стандартом в данной области.

Сегодня именно Германия является мировым лидером по технологии энергосбережения и использованию альтернативных (возобновляемых) источников энергии. В составе немецкого литературного языка появилось много терминологических единиц эндогlossного образца (не заимствований) именно из области энергетики, к примеру: *erneuerbar*, *Heizalternative*, *Endlager*, *schadstoffarm*, *Verbraucherberatung*, *auslegungsüberschreitend*, *Abwärmeberechnung*, *schneller Brüter*, *Abfallbehandlungsanlage*, *Waldhackschnitzel*, *Druckwasserreaktor*, *Ausstieg (aus der Atomkraft)*, *Gezeitenkraftwerk*. Среди них встречаются и англоамериканизмы, но в гораздо меньшем количестве и в виде гибридных терминологических образований, ср.: *Strommix*, *Best-Practice-Beispiele*.

Таким образом, американизация явилась для немецкого литературного языка определённым этапом развития, который обеспечил коммуникативную пригодность его ресурсов в эпоху глобализации. Она началась с дискурса технических инноваций (1918 г.) и продолжается с дискурсом мирового финансового кризиса (с 2008 г.).

Перспективы. Дальнейшие изыскания в предложенной проблематике могут быть связаны с применением вероятностно-статистических методов в корпусных исследованиях экзогlossных тенденций, что позволит уточнить приводимую нами симптоматическую статистику. Работа открывает новое направление в исследовании языковых ситуаций, охватывающее не только непосредственно языки, контактирующие в силу территориальной близости, но и виртуальные языковые контакты. Представляется, что разработанная в диссертации диасистемная методология анализа языковых ситуаций может оказаться полезной при изучении языков, находящихся на грани исчезновения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. *Kobenko Ju.* Deutsch im Zeichen der US-amerikanischen Exoglossie. Международный проект с Университетом земли Саар (ФРГ) «Экзогlossные языковые ситуации в онтогенезе немецкого языка» 2007–2008 гг. [Текст] / Ju. Kobenko. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 176 с. (11 п.л.). – ISBN: 5-98298-219-9.
2. *Кобенко Ю.В.* Метагlossная параметрология эволюционной динамики немецкого языка с 1950 года: онтологический, лингвоисторический и лингвосоциологический аспекты [Текст] / Ю.В. Кобенко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – 257 с. (16 п.л.). – ISBN: 5-87397-083-0.
3. *Кобенко Ю.В.* Теория экзогlossии: монография в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук 2009–2010 гг. [Текст] / Ю.В. Кобенко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – 135 с. (8,4 п.л.). – ISBN: 978-5-98298-669-6.

Словари

4. *Кобенко Ю.В.* Русско-немецко-английский словарь лекарственных растений Сибири (около 600 наименований) [Текст] / Ю.В. Кобенко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – 60 с. (3,75 п.л.). – ISBN: 5-87-307-068-0.
5. *Кобенко Ю.В.* Словарь англоязычных заимствований в компьютерной, радио- и электротехнической лексике современного немецкого языка (около 300 наименований) [Текст] / Ю.В. Кобенко. – Изд. второе, испр. и доп. – Томск: Изд-во ТПУ, 2013. – Часть I (А–К). – 34 с. (2,12 п.л.)

Учебные и учебно-методические пособия

6. *Кобенко Ю.В.* Deutsche Homonyme: Учебное пособие [Текст] / Ю.В. Кобенко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – 81 с. (5 п.л.).
7. *Кобенко Ю.В.* Ausgewählte Schwerpunkte zur Theorie und Praxis des schriftlichen Übersetzens: Учебно-методическое пособие [Текст] / Ю.В. Кобенко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – 60 с. (3,75 п.л.).
8. *Kobenko Ju., Nikitin D., Borodichina S., Chmelidse I.* Lofts: Projekt zum DAAD-Sur-Place-Seminar „Fachsprachenunterricht“ (Tomsk, 2007) [Текст] / Ju. Kobenko, D. Nikitin, S. Borodichina, I. Chmelidse. – Berlin: Institut für Interkulturelle Kommunikation, 2007. – Режим доступа: <http://iik.de/sites/default/files/publikationen/TomskProjektneu.pdf> (1,18 п.л., в соавт., личный вклад – 1,0 п.л.).
9. *Kobenko Ju.* Feste und unfeste Verbzusammensetzungen in der deutschen Gegenwartssprache: Учебно-методическое пособие [Текст] / Ю.В. Кобенко. – Томск: Изд-во ТПУ, 2008. – 50 с. (3,12 п.л.)
10. *Kobenko Ju.* Die größten anzunehmenden Unfälle: Ursachen und Folgen: Учебное пособие [Текст] / Ju. Kobenko. – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – 109 с. (6,8 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

11. *Кобенко Ю.В.* Единоязычие как условие глобализации [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Серия: Филология. – № 2. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 2009. – С. 174–184 (0,62 п.л.). – ISSN: 1818-6653.
12. *Кобенко Ю.В.* К дифференциации понятий «экзоглоссия» и «экзоглоссная языковая ситуация» [Текст] / Ю.В. Кобенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Серия: Филологические науки. – № 6(50). – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2010. – С. 4–6 (0,18 п.л.). – ISSN: 1815-9044.
13. *Кобенко Ю.В.* Культурная политика и языковая система: связь корпуса и статуса в ракурсе языковых изменений [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Филология. – № 43. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2010. – С. 63–71 (0,56 п.л.). – ISSN: 1994-2796.
14. *Кобенко Ю.В.* Способы кодификации англоамериканизмов в современном немецком языке [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Бурятского государственного университета. – Серия: Романо-германская филология. – № 11. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 62–66 (0,31 п.л.). – ISSN: 1994-0866.

15. *Кобенко Ю.В.* Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Серия: Филология. – № 1. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 2010. – С. 184–192 (0,5 п.л.). – ISSN: 1818-6653.
16. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossный и эндогlossный типы языковой политики [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Серия: Филология. – № 7(97). – Томск: Изд-во ТГПУ 2010. – С. 51–54 (0,25 п.л.). – ISSN: 1609-624X.
17. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossные влияния в раннем периоде развития языков германской ветви [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Филология и искусствоведение». – № 3(63). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – С. 165–169 (0,31 п.л.). – ISSN: 2074-1065.
18. *Кобенко Ю.В.* Экстра- и интралингвистические причины экзогlossии [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Серия: Филология. – № 3. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 2010. – С. 91–98 (0,5 п.л.). – ISSN: 1818-6653.
19. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossная и эндогlossная фазы языковой эволюции [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Серия: Филология и искусствоведение. – № 4(2). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – Том 2. – С. 56–59 (0,25 п.л.). – ISSN: 1997-4280.
20. *Кобенко Ю.В.* Роль языкового выбора в развитии титульного языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Серия: Филология. – № 3(105). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. – С. 162–165 (0,25 п.л.). – ISSN: 1609-624X.
21. *Кобенко Ю.В.* Признаки экзогlossного характера развития языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – № 1(218). – Серия: «Лингвистика», выпуск 12. – Челябинск, Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – С. 7–10 (0,25 п.л.). – ISSN: 1991-9751.
22. *Кобенко Ю.В.* Стандартный американско-британский английский как язык современной глобализации [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Серия: Филология. – № 9(111). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. – С. 18–21 (0,25 п.л.). – ISSN: 1609-624X.
23. *Кобенко Ю.В.* Предпосылки создания центричной модели языковой политики [Текст] / Ю.В. Кобенко // European Social Science Journal. – № 10(13). – Москва, Рига: Изд-во МИИ, 2011. – С. 235–240 (0,37 п.л.). – ISSN: 2079551-3.
24. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossные страты как детерминанта экзогlossного типа языковой эволюции [Текст] / Ю.В. Кобенко // Филология и человек. – № 4. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2011. – С. 214–219 (0,31 п.л.). – ISSN: 1992-7940.
25. *Кобенко Ю.В., Воробьёва В.В.* Типология англоамериканизмов в современном немецком литературном языке [Текст] / Ю.В. Кобенко, В.В. Воробьёва // Фундаментальные исследования. – № 11(5). – Москва: Изд-во РАЕ, 2012. – С. 1245–1248. – URL: http://rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=9999960 (0,25 п.л., в соавт., личный вклад – 0,2 п.л.). – ISSN: 1812-7339.
26. *Кобенко Ю.В.* Лингвистические рамки экзогlossической теории [Текст] / Ю.В. Кобенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Серия: Филологические науки. – № 2(66). – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2012. – С. 116–118 (0,18 п.л.). – ISSN: 1815-9044.

27. *Кобенко Ю.В.* Экzogлосные тенденции на морфосинтаксическом уровне системы литературного немецкого языка в результате заимствования англоамериканизмов [Текст] / Ю.В. Кобенко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Том 14, № 2(5). – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2012. – С. 1268–1275 (0,5 п.л.). – ISSN: 1990-5378.
28. *Kobenko Ju.V.* Linguistisches Rahmenwerk und Instrumentarium der exoglossischen Theorie (Диасистемные уровни и лингвистический инструментарий теории экzogлоссии): на нем. яз. [Текст] / Ju.V. Kobenko // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2012. – № 2 (27). – Гос. рег. № 0421200038/0022. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>. – Загл. с экрана (0,4 п.л.). – ISSN 1999-8406.
29. *Кобенко Ю.В.* Тенденции заимствования англоамериканизмов в художественном функциональном стиле современного немецкого литературного языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Серия: Филологические науки. – № 11(75). – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2012. – С. 78–82 (0,31 п.л.). – ISSN: 1815-9044.
30. *Кобенко Ю.В., Воробьёва В.В.* Специфика изучения языковых ситуаций в историческом развитии немецкого литературного языка [Текст] / Ю.В. Кобенко, В.В. Воробьёва // Филологические науки: вопросы теории и практики. – № 2(20). – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 100–102 (0,18 п.л., в соавт., личный вклад – 0,16 п.л.). – ISSN: 1997-2911.
31. *Кобенко Ю.В., Воробьёва В.В.* Диафункциональный анализ языковой ситуации ФРГ 1945–2010 гг. [Текст] / Ю.В. Кобенко, В.В. Воробьёва // Современные проблемы науки и образования. – № 1(45). – Москва: Изд-во РАЕ, 2013. – URL: www.science-education.ru/107-8338 (0,5 п.л., в соавт., личный вклад – 0,4 п.л.). – ISSN: 1817-6321.
32. *Кобенко Ю.В., Столярова А.К.* Особенности спряжения сложных заимствованных глаголов англоязычного происхождения в немецком языке [Текст] / Ю.В. Кобенко, А.К. Столярова // Современные проблемы науки и образования. – № 2(46). – Москва: Изд-во РАЕ, 2013. – URL: www.science-education.ru/108-8805 (0,5 п.л., в соавт., личный вклад – 0,4 п.л.). – ISSN: 1817-6321.

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

33. *Кобенко Ю.В.* Явление омонимии (в общей трактовке) в процессе лексического заимствования между гомологичными языками [Текст] / Ю.В. Кобенко // Межкультурная коммуникация: теория и практика: материалы VI Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции образования» (Томск, 21–23 июня 2006). – Часть I. – Томск: Изд-во ТПУ, 2006. – С. 220–225 (0,37 п.л.).
34. *Кобенко Ю.В.* German codification policy features through the prism of orthological standardization of variants of words [Текст] / Ю.В. Кобенко // Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей: материалы VII всероссийской научно-практической конференции (Томск, 19 апреля 2007). – Часть I. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – С. 43–45 (0,18 п.л.).
35. *Кобенко Ю.В.* Экzogлосные влияния в онтогенезе немецкого языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Лингвистика. Герменевтика. Концептология: Сборник научных трудов, посвященный 60-летию юбилею профессора Е.А. Пименова. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2008. – С. 527–532 (0,37 п.л.).

36. *Кобенко Ю.В.* Сегрегация языковых политик в соответствии с принадлежностью избранного коммуникативного средства к автохтонной лингвокультуре [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Инновации в непрерывном лингвистическом образовании: сборник научных трудов, посвящённый 60-летию профессора Р.П. Мильруда.* – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008. – С. 41–48 (0,5 п.л.).
37. *Кобенко Ю.В.* Лексикографическая интерпретация явления гетеролингвальной омонимии [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Варьирование в языке и культура речи: сборник статей российского научного семинара (Томск, 12–14 февраля 2009).* – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – С. 51–56 (0,37 п.л.).
38. *Кобенко Ю.В.* Заимствование лексических единиц в результате перевода американской кино- и видеопродукции на немецкий язык [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Язык. Культура. Коммуникация: материалы III Международной заочной научно-практической конференции (Ульяновск, март 2009).* – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2009. – С. 322–326 (0,31 п.л.).
39. *Кобенко Ю.В.* Американизация как конкретизация современной глобализации [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Мировая культура и язык: материалы IX российской научной конференции (Томск, 16–18 апреля 2009).* – Часть II. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – С. 44–54 (0,62 п.л.).
40. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossная и эндогlossная языковые политики [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры: материалы международной конференции (Москва–Ярославль, 19–21 июня 2009).* – М.-Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 221–227 (0,43 п.л.).
41. *Кобенко Ю.В.* Besonderheiten der deutschen Sprachpolitik im XX. Jahrhundert [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Актуальные проблемы германистики и романистики: сборник статей по материалам межвузовской научной конференции (Смоленск, 25–26 июня 2009).* – Часть I: Слово в языке и речи. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. – С. 80–86 (0,43 п.л.).
42. *Кобенко Ю.В.* Особенности англо-американских лексических заимствований в немецком языке ФРГ [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Южно-Российские научные чтения 2009: Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 1–4 октября 2009).* – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. – С. 191–193 (0,18 п.л.).
43. *Кобенко Ю.В.* Современное состояние статуса немецкого в интеролингвальной зоне [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: материалы международной научно-практической конференции (Элиста, 9–11 ноября 2009).* – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. – С. 94–96 (0,18 п.л.).
44. *Кобенко Ю.В.* Возможно ли предотвратить снижение статуса немецкого как языка образования в России? [Текст] / Ю.В. Кобенко // *Межкультурная коммуникация: теория и практика: материалы XI Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции образования» (Томск, 12–14 ноября 2009).* – Часть I. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – С. 306–310 (0,31 п.л.).

45. *Кобенко Ю.В.* Анализ современного состояния статуса немецкого языка в интeролингвальной зоне [Текст] / Ю.В. Кобенко // Новые идеи в лингвистике XXI века: материалы международной научной конференции (Пятигорск, 10–11 ноября 2009). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – Часть I. – С. 117–122 (0,37 п.л.).
46. *Кобенко Ю.В., Керимов Р.Д.* Zum Charakter der deutschen Sprachpolitik im XX. Jh. [Текст] / Ю.В. Кобенко, Р.Д. Керимов // Проблемы межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация и преподавание иностранного языка» (Кемерово, 20 октября 2009 г.). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. – 268 с. – С. 81–86 (0,37 п.л., в соавт., личный вклад – 0,18 п.л.).
47. *Кобенко Ю.В.* Historischer Aufriss des amerikanischen Einflusses auf das Deutsche [Текст] / Ю.В. Кобенко // Германистика на рубеже тысячелетий. – Набережные Челны: Изд-во НФ НГЛУ, 2010. – С. 55–57 (0,18 п.л.).
48. *Кобенко Ю.В.* Явление переозвучивания ассимилированных единиц в процессе перевода вследствие уподобления экзоглоссной норме [Текст] / Ю.В. Кобенко // Вопросы теории и практики перевода: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, февраль 2010). – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. – С. 49–51 (0,18 п.л.).
49. *Кобенко Ю.В.* Комплексная парадигма билингвальной вариативности лексических единиц в современном немецком языке [Текст] / Ю.В. Кобенко // Мост (язык и культура) – Brigde (language & culture). – Набережные Челны: Изд-во НФ НГЛУ, 2010. – № 25. – С. 6–11 (0,31 п.л.).
50. *Кобенко Ю.В.* Международный английский как язык современной глобализации [Текст] / Ю.В. Кобенко // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во ГПА, 2010. – С. 178–183 (0,37 п.л.).
51. *Кобенко Ю.В., Хмелидзе И.Н.* Предпосылки повышения статуса немецкого языка в образовании [Текст] / Ю.В. Кобенко, И.Н. Хмелидзе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 50-летию факультета иностранных языков (Благовещенск, 26 февраля 2010). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 221–224 (0,25 п.л., в соавт., личный вклад – 0,12 п.л.).
52. *Кобенко Ю.В.* Особенности анализа языкового состояния [Текст] / Ю.В. Кобенко // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы IV международной научно-практической конференции (Барнаул, 19–20 марта 2010). – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2010. – Ч. I. – С. 284–286 (0,18 п.л.).
53. *Кобенко Ю.В.* Existenzbedrohung durch Einheitlichkeitsmangel: Bilanz für das Gegenwartsdeutsch [Текст] / Ю.В. Кобенко // Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Томск, 16–18 апреля 2010): В 4-х частях (часть I). – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – С. 98–103 (0,37 п.л.).
54. *Кобенко Ю.В.* К вопросу об эффективности заимствования [Текст] / Ю.В. Кобенко // Иностранные языки. Герценовские чтения: сборник материалов межвузовской научной конференции (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2010). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 173–175 (0,18 п.л.).

55. *Кобенко Ю.В.* Гибридизация как следствие натуралистической интерпретации Чужого [Текст] / Ю.В. Кобенко // Интерпретация текста: ментальное зеркало видения: сборник научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2010. – С. 60–63 (0,25 п.л.).
56. *Кобенко Ю.В.* Метагlossные параметры языковой эволюции [Текст] / Ю.В. Кобенко // Филологические науки: вопросы теории и практики. – № 3(7). – Тамбов: Грамота, 2010. – С. 88–91 (0,25 п.л.).
57. *Кобенко Ю.В.* Псевдозаимствования как факт злоупотребления лексическим материалом языка-донора [Текст] / Ю.В. Кобенко // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы V международной научной конференции (Рязань, 24–25 июня 2010). – Рязань: Изд-во РГУ им. С.А. Есенина, 2010. – С. 145–147 (0,18 п.л.).
58. *Кобенко Ю.В.* Априорные и апостериорные англоязычные образования в составе современного немецкого языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Слово в динамике: сборник научных трудов в честь 85-летия Е.В. Розен. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2010. – Вып. 6. – С. 84–93 (0,62 п.л.).
59. *Кобенко Ю.В.* Echo- und endoglosse Sprachpolitik (Экзо- и эндогlossия в языковой политике) [Текст] / Ю.В. Кобенко // Диалог культур – культура диалога: материалы международной научно-практической конференции (Кострома, 6–10 сентября 2010). – Кострома; Дармштадт; Минск; Могилёв; Познань; Ванадзор: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 592–594 (0,18 п.л.).
60. *Кобенко Ю.В.* Причины развития экзогlossии [Текст] / Ю.В. Кобенко // Язык как система и деятельность: материалы международной научной конференции, посвящённой 85-летию со дня рождения проф. Ю.А. Гвоздарева (Ростов-на-Дону, 1–3 октября 2010). – Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ «ЛОГОС», 2010. – С. 170–171 (0,12 п.л.).
61. *Кобенко Ю.В.* Анализ функциональных стилей современного литературного немецкого языка в условиях американизации [Текст] / Ю.В. Кобенко // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – № 5. – Краснодар, 2010. – С. 122–135 (0,81 п.л.).
62. *Кобенко Ю.В.* Демократизация современной языковой политики ФРГ [Текст] / Ю.В. Кобенко // Лингвистические и культурологические традиции и инновации: сборник материалов международной научно-практической конференции (Томск, 12–14 ноября 2010 г.). – Томск: Изд-во ТПУ, 2010. – С. 39–42 (0,25 п.л.).
63. *Кобенко Ю.В.* Анализ текущих лингвоэкологических сценариев регулирования современного немецкого языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: материалы международной научно-практической интернет-конференции (Астрахань, 21 сентября 2010 г. – 20 января 2011 г.). – Астрахань: Изд-во АГУ, 2011. – С. 69–71 (0,18 п.л.).
64. *Кобенко Ю.В.* Анализ языкового метаконструкта в романе Кристиана фон Кампа «Парадизион» [Текст] / Ю.В. Кобенко // Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Томск, 28–30 апреля 2011): В 3-х частях (часть I). – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – С. 102–103 (0,12 п.л.).

65. *Кобенко Ю.В.* Особенности описания экзогlossной динамики эволюции немецкого языка в условиях американизации [Текст] / Ю.В. Кобенко // Naukowa przestrzeń Europy: материалы VII Международной научно-практической конференции (Пшемысль, 7–15 мая 2011 г.). – Przemysł: Nauka i studia, 2011. – Volume 17: Filologiczne nauki. – S. 63–65 (0,18 п.л.).
66. *Кобенко Ю.В.* Метагlossные антиномии как основа параметрирования эволюции языковых систем [Текст] / Ю.В. Кобенко // Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве: материалы международной научно-практической конференции (Горно-Алтайск, 28–30 июня 2011 г.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. – С. 92–93 (0,12 п.л.).
67. *Кобенко Ю.В.* Априорные и апостериорные англоязычные дериваты в немецком языке [Текст] / Ю.В. Кобенко // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – № 4. – Москва, 2011. – С. 19–26 (0,5 п.л.).
68. *Кобенко Ю.В.* Гетеролингвальная синонимия в процессе заимствования как случай дигlossической вариативности [Текст] / Ю.В. Кобенко // Варьирование в языке и культура речи: материалы IV российского научного семинара. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – С. 35–42 (0,43).
69. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossные тенденции в лексико-семантической системе литературного немецкого языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (Томск, 26–28 апреля 2012): В 3-х частях (часть I). – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – С. 102–107 (0,31 п.л.).
70. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossные тенденции на графическом уровне системы литературного немецкого языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Найновите постижения на европейската наука: материалы III Международной научно-практической конференции (София, 17–15 июня 2012). – София: Бял ГРАД-БГ ООД, 2012. – С. 28–31 (0,25 п.л.).
71. *Кобенко Ю.В.* Изменение немецких словообразовательных моделей в результате заимствования англоамериканизмов [Текст] / Ю.В. Кобенко // Aktuální vymoženosti vědy: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Прага, 27 июня – 5 июля 2012). – Praha: Publishing House „Education and science“ s.r.o., 2012. – С. 27–29 (0,18 п.л.).
72. *Кобенко Ю.В.* Типы семантических изменений в результате инвазивного заимствования англоамериканизмов в немецкий язык [Текст] / Ю.В. Кобенко // Основные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов: материалы II Всероссийской школы семинара (Томск, 14–16 марта 2012). – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – С. 6–13 (0,43 п.л.).
73. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossные тенденции в официально-деловом функциональном стиле современного немецкого литературного языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Язык и культура: материалы XXIII Ежегодной Международной научной конференции (Томск, 21–24 октября 2012). – Томск: Изд-во ТГУ, 2013. – С. 151–159 (0,56 п.л.).
74. *Кобенко Ю.В.* Экзогlossные тенденции на прагматическом уровне системы современного немецкого литературного языка [Текст] / Ю.В. Кобенко // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – Вып. 16 (том 2). – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2013. – С. 63–68 (0,37 п.л.).

Подписано к печати 28.02.2013. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 2,79. Уч.-изд. л. 2,52.
Заказ 594-13. Тираж 100 экз.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Система менеджмента качества
Издательство Томского политехнического университета сертифицирована
NATIONAL QUALITY ASSURANCE по стандарту BS EN ISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ТПУ**. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30
Тел./факс: 8(3822)56-35-35, www.tpu.ru